

СПЕЦВЫПУСК

ОКТЯБРЬ/2017
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ ПОЛИТИКИ

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

№14 (139)

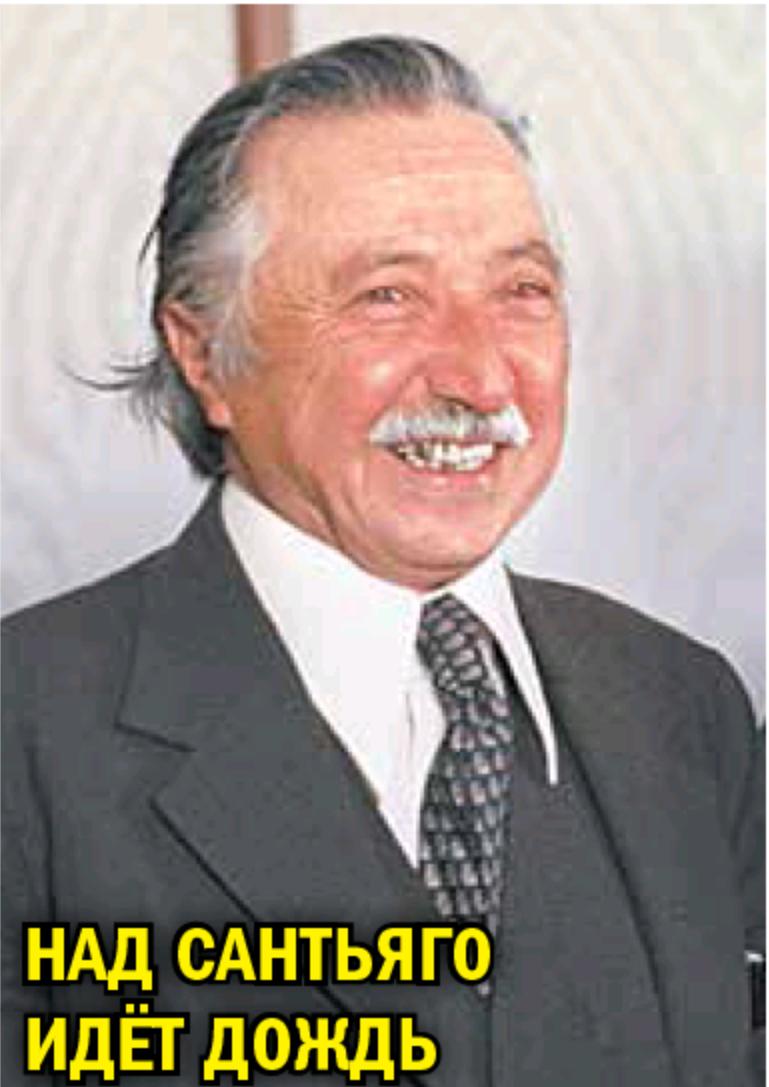
В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ 12

**ФАВОРИТКА
ГЕНСЕКА**

ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ 18

**НАД САНТЬЯГО
ИДЕТ ДОЖДЬ**

ПЕРСОНА 21

**КАК ОХРАНЯЛИ
ФИДЕЛЯ КАСТРО**

ISSN 2070-884X

**ДИКТАТУРА
ЖЕНЫ**

Диктатура жены навредила Горбачёву

Из воспоминаний подполковника 9-го управления КГБ СССР Алексея Сальникова о привычках, нравах, достоинствах и недостатках первых лиц СССР

Алексей БОГОМОЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Это воспоминания подполковника 9-го управления КГБ СССР Алексея Алексеевича Сальникова о привычках, нравах, достоинствах и недостатках первых лиц СССР. В Федеральной службе охраны Сальникова называли рекордсменом. Он проработал в системе органов госохраны с 1956 по 1996 год, причём большую часть времени занимался обеспечением безопасности и быта главных лиц страны. Мы опубликовали его воспоминания о работе с Никитой Хрущёвым (1956–1964 гг.) и Алексеем Косыгиным (1965–1980 гг.).

В финальную часть рассказов Алексея Алексеевича (он, к сожалению, умер летом 2016 года) вошли его воспоминания о работе с другими лидерами СССР – Брежневым, Андроповым, Горбачёвым.

Оценкам подполковника Сальникова вполне можно доверять, поскольку он находился в непосредственной близости от руководителей КПСС и СССР. Они не всегда и не для всех приятны, но представляют несомненный интерес и для профессиональных историков, и для наших уважаемых читателей. Итак, одна из наших бесед с Алексеем Алексеевичем, записанная мною в 2011–2015 годах:

КОСЫГИН ЗВАЛ БРЕЖНЕВА ЛЁНЁЙ

Алексей Сальников: Наши «хозяева», члены Политбюро, тоже ведь люди разные были. Одни, например, карьеристы, только к должностям стремились. Я всех видел рядом и слышал, конечно, тоже. С моей точки зрения, самый высокий уровень в Политбюро был у Косыгина. Трудолюбивый, умный. Затем Мазуров, Андропов. А вот Подгорный, например, был недалёким, делал карьеру, пользовался положением в партии и доверием Брежнева. Грубый, наглый, но трусоват. Кстати, можете себе представить, чтобы в советское время человек потребовал басейн у него на даче наполнять «Боржоми»? Из Грузии трубопровод строить? В цистернах везти? Суслов был суховатым и капризным, особенно в том, что касалось еды и транспорта, а в быту почти аскет. Что касается карьеристов, то среди них можно было выделить Тихонова, стремившегося на место Косыгина и Устинова, очень хотелось быть маршалом и министром обороны. В общем, у каждого были свои сильные и слабые стороны...

Брежнева я первый раз увидел ещё в конце 1950-х годов. Выглядел он импозантно, женщинам нравился, да и они ему тоже. Хрущёв, с которым я в то время работал, приблизил его к себе, но определённая дистанция всегда сохранялась. А когда Хрущёва снимали, он очень не хотел, чтобы Брежnev стал главным. Говорил: «Лучше уж Суслова, чем этого тупца...»

К Брежневу Хрущёв относился строго, понимая его ограниченность. Мы как-то ездили по Средней Азии. И у него было непонятное настроение. То уезжать, то оставаться, а до аэродрома – далеко. И

БРЕЖНЕВ И АНГЛИЙСКИЙ ПРЕМЬЕР ГАРОЛЬД ВИЛЬСОН В КРЕМЛЕ. АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ ПРЯМО ЗА СПИНОЙ У ПЕРВЫХ ЛИЦ

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО ЛЕОНID ИЛЬЧ ЧАСТЕНЬКО ЗАИСКИВАЛ ПЕРЕД КОСЫГИНЫМ

ночевать мы собирались, по-моему, на Иссык-Куле. И тут приказ: «Уезжаем!» Я забегаю, чтобы постель собрать, а постель у нас была своя, подушки, одеяла... Хрущёв разговаривает с Брежневым по телефону. Я говорю: «Можно постель собрать?» Он рукой махнул и продолжает разговор. А связь громко звучала, и собеседника, то есть Брежнева, было слышно. Тот говорит: «Мы на охоту поедем». А Хрущёв: «Вы почему это на охоту собрались? Какое число сейчас? Народу нельзя, а вам всё можно? Смотрите, если я приду и узнаю! Я вопрос поставил!»

...В годы моей работы у Алексея Николаевича Косыгина я отметил для себя, что с Брежневым они были близки примерно до конца 1960-х. Они ещё собирались вместе, выпивали, песни пели... Потом ездить друг к другу на дачи перестали, в Завидове встречались. А самые большие разногласия с Брежневым у Косыгина появились ближе к середине 1970-х.

О том, каков был уровень их взаимоотношений, говорит то, что Брежнев всегда называл его «Алексей Николаевич», а Косыгин Брежнева – «Леонид» или «Лёня». Кстати, Косыгин был единственным из Политбюро, кто выступил против введения войск в Афганистан, кто скептически относился к программе партии. И подписал свою подпись под решением Политбюро о введении войск он не поставил. Мог себе и такое позволить.

Но вернёмся к Брежневу. Брежнев мне не особо нравился. Мне приходилось работать с ним. У нас ведь задача какая? Быть как можно более незаметными. Некоторые из членов Политбюро очень не любили, когда рядом официант маячит. Косыгин, например. А Брежнев – наобо-

рот. Он говорит мне на встрече: «Стой возле меня и никуда не отходи!» Сохранилась фотография, где я стою прямо позади Брежнева во время приёма в честь английского премьера Гарольда Вильсона.

А соображал-то он в те времена уже не очень... Заговаривался. Устинову однажды дают звёздочку Героя в кабинете у Брежнева. И тот говорит ему: «Я тебя поздравляю с девочкой!» Бывало, он ко мне обращался: «Я хорошо сказал? Всё хорошо?» У нас на встречах, особенно за рубежом, публика разная бывала, разведчиков много. А он всё время ко мне обращался... Меня там чуть ли не спецагентом считали. Брежнев зовёт, я подбегаю, он мне что-то говорит, все думают, что сообщение какое-то передаёт, а он на самом деле просто одобряния искал тому, что сказал. Или спрашивал: «А там всё хорошо?»

В моей работе нужно было учитывать все нюансы. Если я наливаю графин с водой в спальню и туда кто-то заходит, я замечал, прибавилась ли вода или убавилась. Не плеснул ли туда кто-то посторонний что-то, либо запил мой подопечный таблетку или забыл. За границей, когда мы бывали в резиденциях, приходилось убирать все следы. Особенно упаковки от таблеток. Разведчики-то везде работали, весь мусор просеивали, чтобы узнать, чем наш «царь» болеет. Мазки чуть ли не с унитазов брать пытались. Всё нужно было отслеживать. Сейчас этому такого внимания не уделяют уже.

А сколько раз в моей практике я иглы находил! Приезжаешь в какую-нибудь резиденцию за рубежом... При Брежневе приезжаем мы в Финляндию. Я стал шупать постель, проверять. Новое одеяло вроде, а в нём игла оказалась. Скорее всего, конечно, не специально, просто забыли при изготовлении.

В ПРИНЦИПЕ, ПРОСТОЙ МУЖИКИ...

Брежнев ел всё подряд, а потом была проблема с зубами, насчёт своего веса беспокоился, всё потолстеть боялся. Ну и стал отказываться о еды. Даже на приёме как-то говорит мне: «Я не буду!» Я ему: «Давайте я вам чернослива положу или салатика, чтобы для приличия на тарелке было...» А помоложе был, всё подряд ел.

Ел он некрасиво, только как ему удобно, не то чтобы вилку в левой руке держать. Тут ведь нужно делать всё естественно, без напряжения. Иногда взымет вилку с ножом и держит, подняв вертикально.

Врачи, я помню, говорили ему, что это нельзя есть, то нельзя пить. В Болгарии ужинали, там есть напиток типа нашей простоквши. Всем поставили, а Брежнев: «А мне?» Я говорю: «Вам нельзя!» Он: «Поставь!» Потом утром встаёт... Доктор Михаил Титыч говорит: «Зачем дал ему?» Я отвечаю: «Просил!»

С ним вообще некрасивые истории были. Никто из членов Политбюро не просил что-нибудь с приёма завернуть «с собой». А у Брежнева какая-то жадность была. Он своеобразный мужик был, ему хапать бы... Идёт банкет, мероприятие в Кремле, а он говорит мне: «Вот это, это и это заверните». Хотя уже на дачу машина со

«ПРОСТОЙ ПАРНИ» БРЕЖНЕВ И ПОДГОРНЫЙ

приходилось обслуживать мероприятия с его участием, он запомнил меня и называл по имени. По служебной линии, естественно, мы все ему подчинялись, поскольку служили в 9-м управлении КГБ. Он даже меня в своё время к ордену «Знак Почёта» представил.

Гораздо чаще я работал с Андроповым после смерти Алексея Николаевича Косыгина, иногда бывал с ним в командировках, часто приезжал к нему в больницу, откуда он руководил страной, и партией в последний год жизни. Андропов был очень простой, не капризный. Работа с ним, в общем-то, была почти отдыхом. Правда, болен был давно, чувствовал себя плохо. Народ вокруг него был тоже разный. Многие стремились пообщаться тогда, когда он этого не хотел. Он говорит мне: «Лёш, а Лёш, не подпускай никого ко мне». Он сам человек был простой, и многие хотели этим пользоваться.

всей едой отправлена. Но он хотел «с собой». Как будто мало ему было...

Сейчас много пишут, что Брежнев, дескать, добрый был, терпимый к обслуге. К любимчикам – да. Но бывало, что Брежнев всех помощников гонял, обслуживающий персонал тоже, и без особой причины. Нехороший был. У меня-то к нему никаких претензий не было. Даже фрак от него получил «в подарок». Во Франции нам напрокат взяли фраки, чтобы мы не отличались от местных офицеров. Брежнев с Громыко приезжают во Францию и видят меня во фраке. Брежнев: «Кто это? Алёша? Где фрак взял?» Я отвечаю: «Здесь» Он говорит: «Так ты его возьми с собой!» Сказал послу, увезли с собой...

Выпивал Брежнев иногда, скажем, не совсем умеренно. Не так, чтобы оркестром дирижировать, но всё-таки до такой степени, что поднимать его со стула приходилось и под руки вести. А сделать это незаметно очень трудно. Естественно, связано это было во многом с преклонным возрастом. В ФРГ идёт приём, там канцлер, президент, глава бундестага. Пошли в маленькую комнату. Он там такое им спели... Если бы публично сказал – международный конфликт точно был бы. Рябенко, начальник охраны Брежнева, говорит мне: «Вы что, ему выпить дали?» Я говорю, что нет, всё разбавленное. Но всё равно хвати-

ВЛАДИМИР ВОЙТЕНКО/ТАСС

ЮРИЙ АНДРОПОВ ОБЩАЛСЯ С ЛЮДЬМИ НЕ ТОЛЬКО НА КОНСПИРАТИВНЫХ КВАРТИРАХ

ципе, простые мужики. Смотрели так же, как и в кинотеатрах – садятся, и сначала им прокручивают киножурналы. Новости дня. Один, два. А потом какой-нибудь фильм. В

Много легенд разных вокруг него было. Вот, например, выпивал он очень немного. В своё время иностранные журналисты называли его любителем виски. Неправда.

За границей приходилось убирать все следы. Особенно упаковки от таблеток. Разведчики-то везде работали, весь мусор просеивали, чтобы узнать, чем наш «царь» болеет.

ло... Иногда первые лица могли и сами себе налить. Но зависело всё от статуса обеда.

...Любимых фильмов ни у кого не было, разве что Брежнев на даче «про разведчиков» и «про войну» любил смотреть. А если вместе собирались... Пожилые и, в прин-

ципе, простые мужики. Смотрели так же, как и в кинотеатрах – садятся, и сначала им прокручивают киножурналы. Новости дня. Один, два. А потом какой-нибудь фильм. В

Бывало, что нужно выпить с кем-то. Говорят мне: «Нужно уважить». Выпьет немного вина, у него щеки розовые... Любил пить абхазское вино «Лыхны». Виски никогда не пил. Кстати, у нас в «девятке» в те времена «Лыхны» было самое популярное вино.

Я часто ездил в Кунцево к Андропову в больницу. Сделаю клюквенный сок, который он любил. Он любил кислые яблоки, вообще всё кислое. Мы даже ему привозили из Индии яблоки. Ящик, другой. А так привозил я ему в больницу винегретик, диетический, соки. Он попробовал и говорит: «А вот тут в больнице винегрет лучше готовят!» Хотя на самом деле наш и вкуснее, и приятнее, и приготовлен правильнее. Но ему понравился больничный. Пришлось поддакивать: «Тут у вас лучше, чем на особой кухне». У Андропова из-за заболевания почек была бессолевая диета. Несмотря на слабое здоровье и то, что Андропов допоздна читал, он как петушок вскакивал утром. В отличие от Брежнева – никаких «побудок»...

КОНСПИРАТИВНЫЕ ВСТРЕЧИ АНДРОПОВА

С Юрием Владимировичем Андроповым я познакомился ещё в то время, когда он был председателем КГБ СССР. Мне иногда

ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ САЛЬНИКОВА

МОГУЩЕСТВЕННАЯ ЯДГАР НАСРИДДИНОВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР БЕСЕДУЕТ С АЛЕКСЕЕМ САЛЬНИКОВЫМ

Кстати, у членов Политбюро по поводу питания были не только ограничения, но и капризы. Суслов был капризным, придирчивым. Он просто не переносил баклажанную или кабачковую икру. Даже близко нельзя было поставить. На приёме

РАИСА ГОРБАЧЁВА: «КОНФЕТЫ – ПОДЕШЕВЛЕ, ЦВЕТЫ – В ВАЗУ!»

увидит – сразу нос воротит, мог даже при посторонних потребовать, чтобы убрали. Зато сосиски, сардельки, кашка – это было его. Щи любил, отварное мясо. Под соусом что-то не любил. Так что даже во время приёмов или фуршетов для него на всякий случай держали сосиски, вдруг закапризничает! Представляете, всем судака фаршированного или луля-кебаб подают, а ему – сосиски, да ешё с кашкой! А пил он вместо водки воду, но из бутылки с этикеткой «Столичная», и даже кривился, будто спирта маxнул...

Андропов встречался с людьми в разных местах. Звонит ему какой-нибудь академик, просится на приём. Но не приглашать же его в КГБ! Встречались на конспиративных квартирах, я его там сопровождал. Своя система оповещения была: например, открыта форточка – значит, квартира в порядке, готово всё. А моя задача – пролистать, чтобы с питанием, выпивкой всё было как надо. Нужно и вкусы гостей знать. Кстати, приезжал на «конспиративные» встречи Андропов на обычной «Волге».

При нём многое изменилось в нашей службе. На Новом Арбате, например, как и сегодня, была правительственный трасса, стояло много милиционеров, практически у каждого столба. Андропов говорит на заседании Политбюро: «Давайте сделаем радиотелефонную связь, чтобы не держать столько людей всё время». И на домах установили антенны в виде белых шаров, ретрансляторы. Москвичи со стажем прекрасно помнят их. Когда машины проезжали, сообщали о необходимости усиления охраны...

В том, что касалось бытовых вопросов, Андропов ориентировался не так сильно, как в политике и технике. Помню, как он вдруг решил «проконтролировать» своего «прикреплённого» Иванова. В то время была сеть спецмагазинов. Мы тоже ими иногда пользовались «по плату». В сотую секцию ГУМа, например, даже мне попасть было непросто. По договорённости произносил пароль: «Я родственник Татьяны Филипповны». Это жена Андропова. Но была и возможность «разоблачения». Там заведующей Жабина была из нашего 18-го отделения. Надо было ей на глаза не попасться. Она с Терешковой работала, с зарубежными гостями... Магазины были в ателье на Кутузовском, в Доме приёмов на Ленинских горах. Были и при Брежневе, и в начале горбачёвских времён.

Так вот, «прикреплённый» Андропова что-то недешёвое в спецмагазине на Кутузовском купил для жены. Он вызывает меня и говорит: «Это правда? Откуда он деньги взял?» Я отвечаю: «У него жена работает в ГУМе, может, что-то там купила и кому-то продала, да и сам Виктор – он ведь тоже работает, так что семья обеспеченная». Замяли инцидент.

С другой стороны, когда я работал у Косыгина, нашему замначальнику охраны

Владимировичем Андроповым ездил в командировку поездом, то он приказывал не брать с собой поваров и офицантов. Приходилось в трясущемся вагоне всё самому готовить и приносить. Но это обычное дело, часть работы.

Конечно, ни к Брежневу, ни к Андропову я не привык так, как к Хрущёву и Косыгину, с которыми работал очень долго. Но все их вкусы, особенности личности, привычки знал досконально. Иначе нельзя было. Один-два раза сделал что-то неправильно, не понравится «царю» – и всё, работаешь в другом месте. Или вообще не работаешь в нашей системе. И такое бывало...

СОРОК ЛЕТ РЯДОМ С ВОЖДЯМИ...

После смерти Косыгина я вроде бы отжал уже своё. Работал и с первыми лицами, но на временной основе, ездил в поездки, обслуживал встречи с зарубежными лидерами. Но интереса в работе уже практически не было. Может быть, масштаб личностей не тот был. Мне как-то всё равно было. Потом назначили шеф-инструктором. Я учил молодых, инструктировал, проверял. А потом увлёкся аранжировкой цветов. В 1986 году исполнилось 60 лет, на пенсию пора. Но всё равно оставили меня на работе. Я ведь, когда ездил с первыми лицами за рубеж, много видел и всё запоминал. Как цветы располагаются во время приёмов, встреч, торжеств. У нас-то этим всерьёз никто не занимался. Я что-то копировал, что-то своё вносила. И в горбачёвские годы, и в ельцинские.

Раисе Горбачёвой нравилось. Я, например, оформлял её встречи с женами членов Политбюро. И в Доме приёмов на Воробьёвых горах, и в Ново-Огарёве. Она была в восторге. Интересовалась, кто делал, благодарила, премировала даже.

А однажды погорел. Она говорит мне: «Сделайте мне маленькие букетики. Я хочу

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ ДРУЖИЛ С ДМИТРИЕМ ПОЛЯНСКИМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВМИНА РСФСР

мов на Ленинских горах, начинала всех учить. Чтобы стол был простой, чтобы конфет на столе было немного и недорогих, чтобы закуски на столе было не пять видов, а один-два. Говорила: «Не транжирить». Чтобы изобилия не было. До сих пор не понимаю, почему у неё такой странный характер был, ведь противопоставляла себя практически всем. Во многом, конечно, её «диктатура» и вызывающее поведение навредили Горбачёву. Он и так был руководителем не самым сильным, а тут ещё и под каблук публично попадал. Помните, сколько анекдотов на эту тему было...

Когда мы вошли в эпоху новой России, даже в нашей системе были проблемы с обеспечением. Нужно было, например,

«её «диктатура» и вызывающее поведение навредили Горбачёву. Он и так был руководителем не самым сильным, а тут ещё и под каблук публично попадал.»

ни хоккей, даже в шахматы или в домино не играл. Я помню, как мы приучали его в домино играть. Едем в поездке. Он, комендант Никитин, доктор Валентин и я. Он говорит: вы подыгрываете, я так не буду играть. Он даже не умел в эту простейшую игру играть. А потом его потихонечку стали на хоккей таскать, и он даже увлёкся. Даже Виктора Тихонова лично вызывал, чтобы тот из Риги переехал в Москву в ЦСКА.

В мои обязанности входило очень многое. Во всех командировках я должен был зайти на кухню, посмотреть, что готовят, как готовят, иногда попробовать. И говорил нашим первым лицам, что можно есть, а что не рекомендуется. А когда я с Юрием

23 февраля поздравить охрану. Нужно было 12 штук приготовить. А в то время, это ведь не нынче, с цветами проблема была. Я поездил по нашим объектам, где цветы выращивались в теплицах. Собрал цветы, сформировал букеты. А завернуть их не во что. Ну, пошёл в магазин «Цветы» на Новом Арбате, купил специальную бумагу. Завернул, поставил в воду, чтобы до утра постояли. А когда она стала вручать цветы, у неё руки испачкались от бумаги. Очень была недовольна. Она была очень капризной. Любила задавать тон. Демонстрировала жёнам старых членов Политбюро экономию. Когда устраивала так называемые женсоветы в Доме приёмов

сделать цветочную композицию с букетиками, перевязанными лентами цветов российского флага. А ленточек таких днём с огнём не найти было. У меня, правда, был в запасе моток красивой ленты, которую я лет за двадцать до этого из Белграда привёз. Но там цвета по-другому расположены: сверху синий, в середине белый, внизу красный. Нечего делать, пришлось использовать. И никто не заметил!

Так я проработал до 1996 года, то есть до ельцинских времён. Кстати, для Нины Ельциной я делал цветочные композиции. Я же мастер на все руки. Поэтому, наверное, и продержался сорок лет рядом с вождями...

ВИКТОР БУДАН, ВЛАДИМИР ЗАВЬЯЛОВ, АЛЕКСАНДР СЕНЦОВ/ТАСС

Почему Брежнев боялся Косыгина

Множество новых подробностей и малоизвестных фактов о человеке, которого Сталин называл «арифмометром», Хрущёв не допускал к власти, а Брежnev боялся как огня...

АЛЕКСЕЙ КОСЫГИН НА ГОРНОЙ ПРОГУЛКЕ В СОПРОВОЖДЕНИИ ОХРАНЫ. КИСЛОВОДСК

Алексей БОГОМОЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Я ДОВОЛЬНО ДОЛГО БЫЛ В ОПАЛЕ

Самый большой по времени период Алексею Сальникову пришлось трудиться рядом с Алексеем Николаевичем Косыгиным, главой Правительства СССР и членом Политбюро ЦК КПСС. Пятнадцать лет – это большой срок, за который вполне можно узнать человека, особенно если находится с ним рядом почти постоянно.

Когда я в 2010 году организовал встречу с сотрудниками охраны Косыгина, они удивили меня в первую очередь тем, что до сего времени сохранили искреннюю преданность своему подопечному. Каждый год в день его рождения они собираются вместе и приходят к Кремлёвской стене с цветами. Во время нашей беседы их слова о Косыгине были проникнуты искренней любовью и уважением. Мне пришлось довольно много общаться с сотрудниками «девятки», и их мнения о руководителях отнюдь не всегда были положительными. Более того, некоторые привычки и личные качества охранники считали неприемлемыми для руководителя. В случае с Косыгиным всё было иначе.

После смерти Хрущёва я довольно долго был в опале. Да и все сотрудники охраны Никиты Сергеевича в той или иной мере пострадали. Распределили нас по разным подразделениям, чтобы «не маячили». Однажды я встречаюсь с Анастасом Микояном. Он говорит: «Что-то тебя редко видно? Кто это?» и пальцем наверх показывает. Я понял вопрос, говорю: «Да, всё нормально». Он: «Кто это?» Я снова: «Да всё нормально, Анастас Иванович». Он говорит: «Мне очень приятно тебя видеть». А сам он, правда, тоже уже почти не у дел был, поскольку дружил с Хрущёвым...

Я занимался, как говорят, «работой с документами» около года, наверное. Потом пришёл к нам новый начальник управления, Антонов. А у нас в управлении работало довольно много женщин. Он же, как разведчик, любил с женщинами разговаривать, считал, что у женщины можно всё выпытать, все служебные взаимоотношения выяснить. То, что мужики начальнику не расскажут, женщины сболтнут. И однажды одна дама, Чистякова её фамилия, сказала: «У нас есть Алексей Сальников, он работал непосредственно

с Хрущёвым, всё в опале сидит и сидит». А тот, как настоящий профессионал, среагировал. И я начал потихоньку всплывать. Так и попал к Косыгину. Вышел на работу и опять пошёл в гору. Антонов прекрасно понимал, что для подготовки сотрудника к выполнению таких обязанностей, как у меня, нужно много лет. И не факт, что эта подготовка будет удачной. Поэтому, видимо, и дал мне «зелёный свет». А могли бы меня просто забыть или уволить...

Алексей Николаевич знал меня по работе у Хрущёва, я тоже имел представление о том, что он за человек. Но всё равно приходилось притираться друг к другу. Для сотрудника, занимающегося глубоко личными делами и обеспечивающего самые необычные нужды руководителя, полный контакт и взаимопонимание необходимы. Я помню случаи, когда у других руководителей офицеры охраны, выполнявшие подобные моим функции, менялись по несколько раз. Со временем Косыгин меня изучил и доверял мне. Например, чемодан с его личными вещами мог открывать только я. Если лежат носовые платки, например, и их нужно постирать, он должен найти их чистыми и именно там, где они лежали. Точно так же и с остальными вещами. Вы попробуйте взять свой чемодан с вещами, вывалить из

него всё, а потом собрать заново, но так, чтобы каждая вещь лежала именно там, где была до этого. Получится? Сомневаюсь...

НАПАДЕНИЕ НА КОСЫГИНА В КАНАДЕ

В отличие от многих других советских руководителей, Алексей Николаевич одевался со вкусом, хотя и несколько консервативно. Костюмы сидели на нём хорошо, проблем с походкой у него не было, так что выглядел он всегда презентабельно. Костюмы ему, как и другим руководителям, шили на заказ вателье на Кутузовском, а закройщики снимали мерки на работе. Обувь он, в отличие от Хрущёва, любил не на микропорке, а на кожаной подошве, более элегантную и лёгкую. Шили ботинки ему в нашем ателье на «Кировской», в Комсомольском переулке. Косыгин часто спрашивал меня, какой костюм ему идёт, какой не идёт, какая рубашка подходит лучше. Но были и другие нюансы, за которыми мне приходилось следить...

При нашей работе нужно было изучать своих охраняемых, их характер, привычки. Косыгин, например, очень не любил, чтобы около него маячили, крутились. Привыкал к тому, что всё делал один зна-

Зять Косыгина Джермен Гвишиани и его жена Людмила Косыгина (слева) и Алексей Косыгин с охраной и обслужкой. Крым

комый доверенный человек. И домашние знали эту его особенность. Как-то раз я погладил ему костюм и собрался отнести. Тут заходит Николай Николаевич Карасёв, начальник охраны, хватает костюм и несёт. А Людмила, дочка, увидела и говорит: «Николай Николаевич, ты что, гладил этот костюм, что несёшь его? Кто гладил, тот пусть и заносит!» Конечно, очень непросто было с ними.

В жизни первых лиц государства каждая мелочь приобретает значение. Ведь они представляют свою страну, и по ним, в том числе по их виду, часто судят об общем уровне. А мелочей было много... Как-то раз мы были на Кубе. В резиденцию Косыгина должен был приехать Фидель Кастро. И вдруг появляется расстроенный Алексей Николаевич и говорит мне: «Алёша, должен Фидель приехать, а я себе пятно посадил на светлых брюках!» Я отвечаю: «Давайте я быстренько сделаю!» Он снял брюки, я их забрал, постирал, боржомчиком, порошком, потом быстро под угот. Принёс, он их надел, вышел и говорит дочери, сопровождавшей его во время визита: «А правда у нас Алёша хороший?» Людмила говорит: «Да, да, он и за мной ухаживает, платья мне гладит для приёмов». Так что приходилось быть мастером на все руки.

Вы помните, был известный случай, когда в Канаде, в Оттаве, во время прогулки с премьер-министром Трюдо какой-то хулиган бросился к Косыгину и схватил его за грудки? Наши сотрудники, правда, быстро его блокировали тогда. Вместе с канадским премьером Алексея Николаевича отвели в здание парламентского комплекса, где у Трюдо был свой кабинет. Больше всего наш глава правительства переживал, что у него на пиджаке две пуговицы оторвали. Я потом собственно эти пуговицы и пришивал, благо всё, что нужно, было у меня с собой...

На всякий случай приходилось возить с собой многое. Во время визита в Афганистан для встречи с королём Косыгин должен был быть в чёрном костюме. Но брюки оказались великоваты. Он мне говорит: «У тебя подтяжек нет?» А у меня в чемодане на всякий случай лежали, хотя Алексей Николаевич их обычно не носил. Потом Клавдия Андреевна, супруга Косыгина, меня на одном мероприятии увидела и говорит: «Алёша, спасибо тебе, что ты Алексея Николаевича выручил!» Значит, и ей он это рассказал.

ДЕВОЧКИ, Я ЗЛАЯ, КО МНЕ НЕ ПОДХОДИТЕ!

Алексей Николаевич Косыгин рассказывал мне о том, как началась его семейная

жизнь. Он учился в Питере в Институте лёгкой промышленности. И именно там познакомился с будущей супругой Клавдией Андреевной. Косыгин был из бедной семьи, отец у него кузнец, мать умерла при родах. Ну и влюбились они друг в друга. Она говорит родителям: «Хочу за него замуж!» А те — категорически против. Они имели какое-то образование. По-моему, инженерами были. И вот он по распределению уезжал на Север на практику. Она узнала, куда его распределили, — и следом за ним. И там они сошлись «практику проводить». И приезжают после практики, а она уже беременна. Людмила у неё в животике. Родителям деваться некуда, дали разрешение. Вот так Алексей Николаевич и женился.

Косыгин очень любил свою супругу и при удобном случае всегда подчёркивал её высокий интеллектуальный и профессиональный уровень. Говорил мне: «Алёша, а ты знаешь, что, когда Клавдия Андреевна работала на верфи, ей генералы честь отдавали?» Клавдия Андреевна была своеобразная женщина. Высокая, красивая. А дома ходила по-простому, в спортивных штанах. И прекрасно контролировала свой непростой характер. Приезжает иногда домой и кричит обслуживающим: «Девочки, я злая, ко мне не подходите!» Проходит какое-то время, она кричит: «Девочки, от меня отшло!»

Она, кстати, вносила серьёзный вклад в работу своего супруга. И её действия по «женской программе», когда жёны первых лиц общаются между собой, часто имели большое значение. Однажды, когда мы были в Каире, супруга Алексея Николаевича встречалась там с женой Президента Египта Насера. Та довольно хорошо понимала по-русски. И, когда они приехали в резиденцию, чтобы отправиться вместе на Красное море, я их обеспечил вином «Лыхны», конфетами, закусками — в общем, всем необходимым. Они проводили там свои переговоры, после которых она говорит: «Алёша, мы с тобой сделали сегодня больше, чем МИД!»

Алексей Николаевич был, как сейчас говорят, трудоголиком. В отличие от Брежнева и других, он мог засидеться в Кремле до позднего вечера. Клавдия Андреевна тогда ему звонит: «Алёша! Я одеваюсь, иду к проходной!» Он быстренько собирается и едет...

В 1968 году Клавдия Андреевна тяжело заболела и весной слегла. Лечилась она в Кремлёвской больнице, и почти месяц Алексей Николаевич ездил к ней, даже ночевал там. То есть с работы — в больницу, а утром оттуда — на работу. А 1 мая уехал на демонстрацию и парад, где ему и сообщили, что она умерла. Наши сотрудники говорили, что у него на лице

Косыгин осматривает первый экземпляр автомобиля ВАЗ-2103

ни один мускул не дрогнул. Зато потом, в больнице, он дал волю слезам...

Память о Клавдии Андреевне он хранил бережно, всегда просил положить ей в чемодан рубашку, которую она ему подарила, хотя и не надевал её. И переживал, конечно. Возвращался с работы он одним маршрутом: из Кремля на машине полкилометра до почтамта на Новом Арбате, а потом — пешком до булочной около кинотеатра «Октябрь», где покупал домашнюю половинку бородинского хлеба. Шёл, кстати, с одним-двумя охранниками, не привлекая к себе внимания. А на машине из Кремля ехал, чтобы не проходить пешком улицу Грановского (сейчас это Романов переулок), где они с Клавдией Андреевной много лет жили...

ВОТ ТЫ, АЛЁША, МЕНЯ РУГАЛ, А Я НЕ СЛУШАЛСЯ...

Никакой специальной диеты Алексей Николаевич не соблюдал, ел в принципе всё. Разве что свои пищевые привычки у него были. Утром всегда ел каши, особенно любил геркулесовую. С вареньем, с маслом. У него, как ни у кого, где бы ни был, на завтрак — овсянка. Я приучил Хрущёва и Косыгина пить натуральные свежевыжатые соки. Конечно, таких соковыжималок, как теперь, не было, так что приходилось выкручиваться.

Апельсины — руками выжимали. Дважды в день, в 11 и 17 часов, я поил их соком. Кто бы там ни был у них в это вре-

мя. Конечно, если не король какой или королева, а кто-то обычный, министр, например, я на двоих сок приносил. А если кто-то суперважный, то просто ставил в комнате отдыха. Членов семьи тоже поил. Смородиновым соком, виноградным.

На официальных приёмах Косыгин ел красиво, как положено по этикету. Были иногда моменты, которые ставили его в тупик, например, когда осенью 1971 года в Оттаве на закуску им с канадским премьером подали устриц. Но справился ведь... А вот когда он был один, дома, то любил есть по-простому, руками. И мясо, и овощи тоже...

Во время зарубежных поездок все продукты приходилось на всякий случай возить с собой. Я с Косыгиным ездил по азиатским и африканским странам, там страшно есть, да и нечего иногда. Так что приходилось ограничиваться чем-то знакомым. Но у меня с собой термос всегда был. Зайдём где-нибудь руки помыть, а за эти 10–15 минут он хоть чуть-чуть, но своего чистенького съест. Чтобы кто-то задумывал его умышленно отравить — вряд ли, но отравиться незнакомой едой можно запросто.

Кстати, говорят, что виски помогает «укреплять желудок» в экзотических странах. Нет, это не так. Лучше всего минут за пятнадцать до еды выпить свежевыжатого сока. Тогда в желудке образуется желудоч-

ный сок, который всё естественным образом дезинфицирует. А виски не всегда и не всем помогает.

Что касается алкоголя, у нас из вин использовали грузинские «Твиши», «Цинандали», «Гурджаани», «Напареули», «Киндзмараули», «Ахмета», «Телиани», молдавские красные вина. Алкогольные напитки закупали через специальную организацию «Курортторг», а потом привозили на базу. Водки «Столичная» и «Московская» были московского завода. Вина проверялись, по паре бутылок из серии. Врачи проверяли, цвет, осадок... Иногда, правда, бывали казусы. Открыли банку, а в ней осколки стекла в овощных консервах, рентген-то их не показывает. Зарубежные напитки пили в основном за границей.

Косыгин в коньяках и винах разбирался. Во Франции мы были и на заводах, где шампанское делали, он мог оценить качество. Говорят, что Косыгин любил молдавский коньяк. Нет, не молдавский, а дагестанский. Дагестанский, насколько я помню, «Юбилейный». Когда мы ездили в командировку, я всегда заказывал несколько бутылок этого коньяка. Он дарил его гостям. А сам говорил, что он ему напоминает французский «Наполеон». Даже, можно сказать, рекламировал его и французам дарил. Очень тонкий вкус был, приятный. Кстати, мог на ночь, как говорится, «зубки пополоскать» коньячком.

Уследить за первыми лицами и ограничить их в чём-то было сложной задачей. Иногда они могли и сами себе налить. Но зависело всё от статуса обеда. Чтобы

Косыгин напился, что называется, допьяна, я не видел. Но иногда бывало, что увлекался. Вижу, что Алексею Николаевичу хватит уже, говорю ему, что, может быть, чай вместо коньяка налить, а он: «Сам решу!» Когда осенью 1980 года я навещал его в больнице, он говорил: «Вот, Алёша, ты меня ругал, а я тебя не слушался, теперь слушать буду...» Но тогда уже поздно было, к сожалению...

Я ЗАБРАЛ ДЛЯ КОСЫГИНА БРИТВУ «ЖИЛЛЕТТ»

Особой роскоши в поездках Косыгин ни себе, ни обслуге не позволял. Почему иногда мне в командировках и готовить приходилось? Косыгин был очень экономным. Едем в командировку. Он: «Дайте список! Зачем две стенографист-

знал, что нужно троим покупать: Людмиле Алексеевне, внучке Татьяне и жене внука Наташе. Купил, а потом в Москве он мне эти деньги отдал.

Косыгину я покупал рубашки, отрезы ткани для костюмов. В Финляндии на Рождество жена послала спрашивает: «Что Косыгин подарить?» Я говорю: «Носочки тёпленькие. И незаметно, и приятно».

Что касается заработной платы первых лиц, то всё было отложено. Им конверт принесут, они его в сейф положат – и всё. А потом, когда домой поедут, как-нибудь заберут кучку скопившихся конвертов. Косыгин, кстати, часто сам за многое расплачивался. Например, когда ремонт дачи в Архангельском делал, он отдал деньги на мебель. Хотя должна была мебель бесплатная быть. Партийные взносы сами не платили, просто их удерживали из зарплаты.

Сегодня часто говорят, что якобы партийные руководители не знали цен, не

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ С СОТРУДНИКАМИ «ДЕВЯТКИ» НА ПРИВАЛЕ

КУКУРУЗУ ВЫРАЩИВАЛ НЕ ТОЛЬКО ХРУЩЁВ, НО И ШЕВАРДНАДЗЕ. АБХАЗИЯ, КОНЕЦ 1970-Х

ки? Одну! Зачем столько охраны?» Если я числился по нашей должности, он менял: «Сотрудник по особым поручениям Председателя Совета Министров». Мелочёвка вроде, но такая у него была особенность...

Насчёт охраны он всегда был очень щепетилен, понимал, что стоит это мероприятие дорого. Кстати, отдельно жён и детей первых лиц не охраняли. Если кто-то из зарубежных лидеров в гости приезжал, выделялись специальные люди для охраны. Первые леди тогда ездили в сопровождении наших сотрудников. Либо был с ними комендант дачи и водитель, либо выделяли ещё кого-то. Но это не специально прикреплённые...

Командировочные у нас были следующие: базовый размер – 11 долларов в день. Но Алексей Николаевич, например, зачёркивал цифру и писал 60%. И получали все по 5–6 долларов, в зависимости от страны. Тогда это, правда, было значительно больше, чем сейчас. Хорошие джинсы, к примеру, можно было купить. У него у самого были такие же командировочные. Я это знаю потому, что он часто давал мне свои деньги, чтобы я купил его жене, дочери, внучке какие-то мелочи. Помаду, туалетную воду, например.

Некоторых вещей у нас просто не было, даже в «Берёзках». В Йемене, в резиденции, где мы жили, он глазами показал мне на самый современный станок «Жиллетт». Я его из этой резиденции просто забрал. Понял намёк, называется...

Наличных денег никто из первых лиц с собой не носил. Помню, как в Оренбурге, где мы с Косыгиным были в командировке, я говорю: «Алексей Николаевич, там, в магазине оренбургские платки и носки есть». Он спрашивает: «Хорошие?» Я говорю: «Да!» Он спрашивает ещё раз: «Хорошие?» «Да». «Откуда ты знаешь?» Я говорю: «За ними охотятся все, они редкие». Он спрашивает: «У тебя деньги есть с собой?» Я говорю: «Есть». Он: «Возьми женщинам, я тебе в Москве отдам». Я

знал, что сколько стоит. Косыгина это точно не касалось. Он по работе всё знал, и в магазины заходил, иногда даже с зарубежными гостями, с Урхо Кекконеном, например.

Косыгин любил автомобили, знал, сколько они стоят, даже умел водить машину, но никогда не ездил сам. Ему иногда дарили транспортные средства, но он по большей части передавал их нам в Гараж особого назначения (ГОН). На него лично был зарегистрирован «Мерседес», но находился он в ГОНе, и Косыгин на нём никогда не ездил. Судьба этой машины мне неизвестна.

Иногда рассказывают о якобы «затратном» увлечении Алексея Николаевича. Я имею в виду то, что ему приписывают самую большую в СССР коллекцию джазовых пластинок. Насчёт того, что Косыгин сильно увлекался джазом – легенда. Любил Шульженко. Алексей Николаевич любил классику и джаз, но в живом исполнении. Во всяком случае, игру на рояле своего зятя Джермена Гвишиани дома с удовольствием слушал. У зятя пластинки точно были, он в своё время по молодости даже сам играл в каком-то джазовом коллективе...

ОСТАВЬТЕ МНЕ АЛЁШУ...

Я провёл рядом с Косыгиным пятнадцать лет. Прекрасно помню тот момент, когда я понял, что он будет вынужден уйти со своего поста. Он, ещё не восстановившись после микроинсульта, случившегося летом 1978 года, был вынужден ездить в командировки по таким странам, что и здоровому выдержать трудно: Индия, Эфиопия... И, вернувшись в Москву, баллотировался в депутаты Верховного Совета. Обычно руководителям его уровня предоставлялся для встречи с избирателями Большой театр. И позвонил мне начальник охраны: «Алексей Николаевич просит, чтобы ты был в Большом театре». Иду с работы в театр. И почему-то вспом-

нил, что как-то подарил Алексею Николаевичу коньяк в стеклянном бочонке, когда у него был день рождения. А он, встретив меня, говорит: «Вот когда я выздоровлю, мы соберёмся на даче и разопьём твою бутылочку!» На встречу приехал Гришин, ещё несколько человек из руководства. А первый заместитель Косыгина Тихонов, который тоже был в зале, к своему патрону даже не подошёл. Такие вещи просто так не делаются. В таких случаях в России говорят: «Чует кошка, чье мясо съела».

Тихонов, который очень хотел стать премьером, звёзд с неба, что называется, не хватал. Я помню, приехала австрийская делегация во главе с канцлером, поговорили они с Тихоновым, гости садятся в машину, разговаривают. А мой друг-переводчик переводит мне слова канцлера: «Был один настоящий бизнесмен, человек, с которым можно иметь дело, – это Косыгин. Больше таких, наверное, не будет».

Алексей Николаевич прекрасно понимал, что, кроме него, с нашей экономикой в то время никто справиться не мог. Но понимал и то, что он не первое лицо, а второй человек в государстве. И вёл себя соответственно. Как-то мы были в Югославии. Я присутствовал на приёме в нашем посольстве. А после приёма Косыгин меня спрашивает: «Тебе приём понравился?» Я говорю: «Всё понравилось, кроме одного. Югославы в выступлениях хвалили вас за развитие торговли, благодарили за укрепление экономических связей, а вы, когда выступали, делали реверансы в сторону Брежнева». Алексей Николаевич поглядел на меня и только приложил палец к губам: «Молчи, мол». Николай Васильев, заместитель начальника охраны Хрущёва, когда того отправили на пенсию, поработал с ним, потом послужил в 18-м отделении, а дальше стал работать у Подгорного. И вспоминал, что того буквально бесило превос-

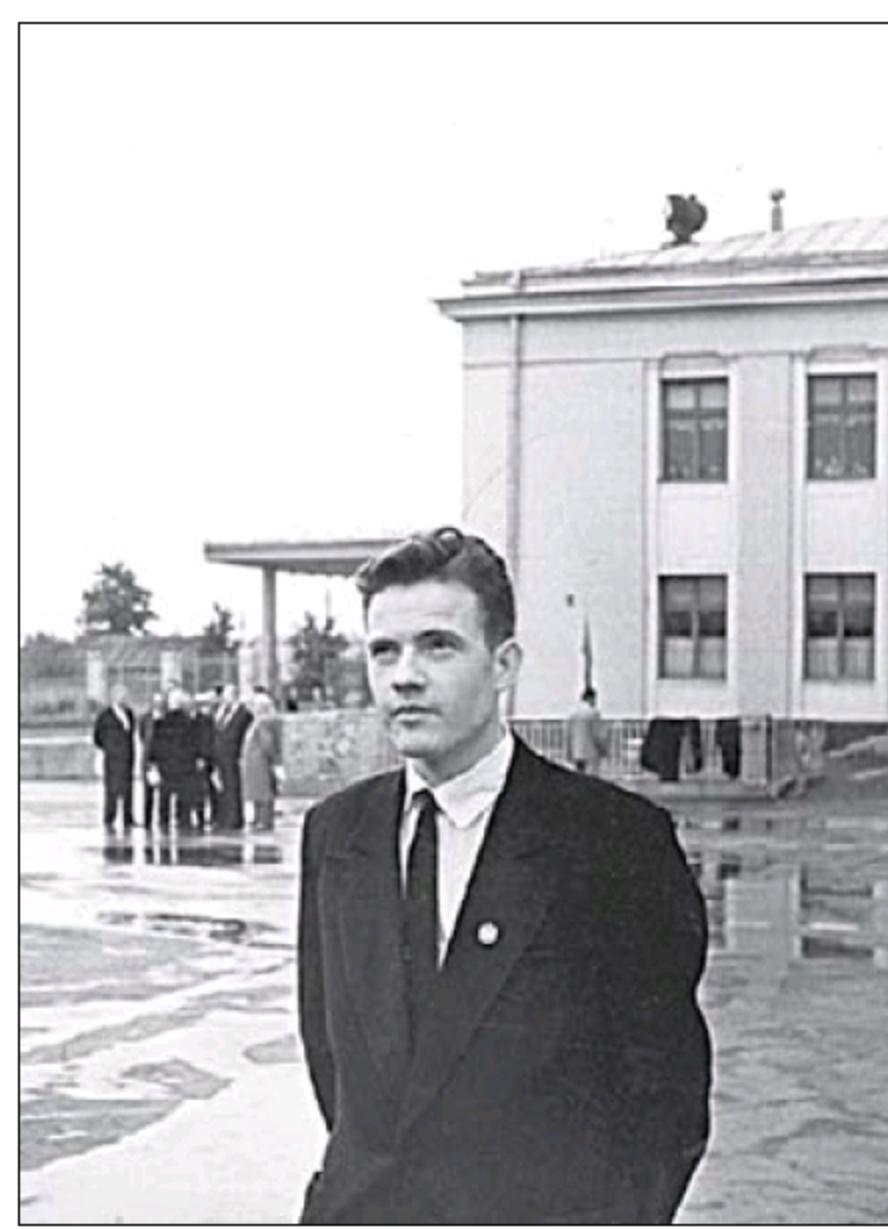
ходство Косыгина. Например, за Брежневым по протоколу должен идти Алексей Николаевич, глава правительства, а Подгорный – сзади. Так он всегда норовил вперед Косыгина пролезть. Рвал и метал, что называется, когда ему это не удавалось. А Косыгин знал это и в принципе внимания на это не обращал. На самом деле Брежnev с Подгорным Косыгина боялись, понимая, что интеллиектуально он гораздо выше их двоих вместе взятых, а уж по объёму накопленных экономических знаний и умению ими распоряжаться ему равных не было.

Первым противником Косыгина был Тихонов, а вторым человеком, который повлиял на отставку Алексея Николаевича, был Кириленко, человек близкий к Брежневу. Уже в больнице на Мичуринском Косыгин при мне спрашивал себя вслух: «Что я ему сделал? Что сделал?»

В тот короткий период 1980 года, когда Алексей Николаевич был на пенсии, мы были в Индии с Брежневым. У меня было немного денег, командировочных, а я знал, что Косыгин очень любит кокосовые печенья. Купил их, да ещё супруга нашего посла мне небольшой запас дала. Приезжаю, звоню Людмиле Алексеевне: «Я из Индии приехал, Алексею Николаевичу к чаю любимые печенья привёз». Она говорит: «Спасибо тебе. Я сейчас машину пришлю». А потом и сам Алексей Николаевич меня поблагодарил. Он был на пенсии, уже не мой хозяин, но я его любил и уважал.

Когда Косыгин стал пенсионером, Карасёва, начальника охраны, от него убрали, остался он один. И за несколько дней до смерти попросил меня прийти. Говорит: «Алёша, Карасёва отбирают, помощник тоже со мной работать не захотел. Алёша, ты согласишься со мной остаться? Мы с тобой будем гулять, в театр ездить. Всё время будем вместе. Людмила Алексеевна и все члены семьи очень будут рады. Я, правда, говорил Королёву (начальник 9-го управления КГБ – Ред.): «Оставьте мне Алёшу», а тот отвечает: «Он теперь у нас большой начальник!» Я-то ведь служил в «девятке» и думаю: «Придётся мне из КГБ уволиться, перейти на гражданку, в систему Совмина». Тема для размышлений была, а времени нет. И я говорю: «Алексей Николаевич, наскот начальника, не слушайте, я согласен!» И буквально считанных дней не хватило для того, чтобы меня перевести.

Конечно похороны Косыгина не были такими тайными, как хрущёвские, куда даже его близким не всем удалось попасть. Но, поскольку умер он накануне дня рождения Брежнева, 18 декабря 1980 года, тело три дня пролежало в морге. И никто не сообщал ни нам, ни родным о том, где будут организованы похороны. Сказали только 21 декабря, когда вся страна уже об этом знала из сообщений «Голоса Америки». А на прощание с Алексеем Николаевичем, организованное в Центральном Доме Советской армии, пришло несколько сот тысяч человек... ■

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ. В ТЕ ГОДЫ АЭРОПОРТ «ВНУКОВО -2» ВЫГЛЯДЕЛ ПОПРОЩЕ

Фото из архива Алексея Сальникова

«Прошу прекратить произвол и беззакония»

Как сложилась судьба «примкнувшего» к заговору секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича

ДМИТРИЙ КОСЫРЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Если одним словом описать то, что произошло с Шепиловым сразу после пленума, где он довольно неплохо держался, то это слово — свалился. Причём в двух смыслах. Во-первых, в моральном. Дело не в том, что он сразу понял, что с ним произошло (замедленная реакция в таких случаях неизбежна). А в том, что в какой-то момент после пленума он поверил. Поверил в то, что совершил преступление. Здесь мы не в первый и не в последний раз вторгаемся в образ мысли людей эпохи, до которой вроде бы и рукой подать, но на самом деле для нас, сегодняшних, это такой привет с Марса. Да-да, я опять про ту самую жуткую штуку — фракционность. На пленуме-то Шепилов искренне недоумевал — какая к чёрту фракционность, когда фактически всё высшее руководство в открытыю говорило о том, что Хрущёв не годится для высших постов в государстве, потому что несёт дичь (в словах и делах)? Но после пленума, когда за человеком закрываются одна за другой двери... Он поверил!

Вот покаянное письмо, точнее, черновик такого, помеченный 27 августа 1957 года и ещё словами — «Боткинская больница»: «Никита Сергеевич!..»

Разве так обращается рядовой гражданин и член партии к лидеру страны и той же партии? Что это за «Никита Сергеевич» такой, где здесь «уважаемый» и всё прочее? Но это, повторим в очередной раз, Шепилов ещё не успел понять, что произошло. Он всё ещё разговаривает с равным себе. С товарищем по партии и руководству. И пишет ему: «Уже 58 дней как я прикован к палате Боткинской больницы. Я очень сожалею, что в день собрания в коллективе ЦК об итогах июньского Пленума я был увезён скорой помощью в больницу и не мог, как подобает коммунисту, выступить на этом собрании, а также что в силу очередного и тяжёлого обострения... я был лишился возможности сразу приступить к работе. Что пережил и переживаю я за эти часы, дни и недели — можно понять без слов. Не приведи бог кому-либо испытать такое!»

К какой работе он должен приступить? Какое собрание коммунистов? О работе мы ещё скажем. Насчёт собрания же — это были такие люди, члены КПСС. Им полагалось в подобных ситуациях прийти на собрание своей парторганизации и покаяться. Не мог член КПСС, после того как съезд или там пленум принимает какое-то решение, с ним не соглашаться и не «разделять». Тогда следовало сначала положить на стол партбилет. А это хуже, чем умереть (умереть, по крайней мере, можно было коммунистом). Член КПСС обязан признавать на этом и каждом последующем собрании, что был осуждён правильно. Вот мы и читаем в письме Хрущёву:

«Несмотря на всю тяжесть понесённого наказания, я глубоко осознал и безоговорочно принимаю и существование, и организационные меры, принятые Пленумом. И нет в моей душе на этот счёт обид, так как только партия, наша великая ленинская

ОПАЛЬНЫЙ ШЕПИЛОВ — НА НОВОЙ РАБОТЕ В ГЛАВНОМ АРХИВНОМ УПРАВЛЕНИИ. 1960-Е

партия, может воплощать высшую мудрость и высшую справедливость...»

Здесь — и далее — у нас будет часто возникать вопрос об искренности. Может, Шепилов боится, что с ним что-то сделают, и поэтому... Но чего же ему бояться — решения пленумом уже приняты, дальше его направят на какую-то работу, и там он загладит вину. Уже всё с ним сделали, хуже не будет. Ну, это он в

тот момент так думал — что впереди только тяжёлый искупающий труд и больше никаких неприятностей. Но не будем забегать вперёд. Мы — о том, что он мог бы и не писать, но писал, потому что искренне в тот момент так думал: «Перебирая весь свой жизненный путь, я не могу не высказать следующего: ... я не должен был быть в какой бы то ни было мере причастным к любой фракционности.

Я не продумал и не оценил всех возможных последствий и всей опасности групповицы и логики фракционной борьбы. В этом моя тяжёлая ошибка и в этом моя вина. У меня, как и у всякого большевика, есть единственный путь жизни — вместе с партией, в её рядах, пусть на рядовой работе, но только вместе с партией... И никакого другого пути нет и быть не может. Я сделаю всё, что должен сделать

“ В январе 1959 года появился приказ об изъятии из библиотек страны всех научных работ Шепилова, написанных им за 32 года.

Старший археограф Шепилов

Ничто не предвещало в судьбе Дмитрия Шепилова (1905–1995) тех бурных перемен, которые в итоге сделали его имя нарицательным. Впрочем, что именно оно нарицает, не очень понятно и до сих пор.

Учёный-экономист, он рано начал двигаться по партийной линии, но на войну ушёл ополченцем. В итоге стал генерал-майором, затем попал в аппарат ЦК, был заместителем Суслова и посыпал на одном совещании не просто взорвать Сталину, но и настаивать на своей точке зрения. За это его сняли с должности завотделом пропаганды и агитации и на семь месяцев оставили без работы — верный признак хорошего отношения вождя. Шепилов писал биографии Сталина, выпустил брошюры о десятом томе его собрания сочинений (был и такой жанр), а также тексты о советском патриотизме, величии советского народа и о том, что «сталинский устав сельскохозяйственной артели — основной закон

колхозного строя». В итоге его взял к себе помощником Маленкова, после чего началась стремительная карьера — в 1952–1956 годах Дмитрий Шепилов успел поработать главным редактором «Правды», министром иностранных дел СССР, в качестве секретаря ЦК помогал Хрущёву готовить доклад для XX съезда партии. Быстрый карьерный рост породил и быструю эволюцию взглядов. В итоге Шепилов позволил себе критические высказывания в адрес генсека на знаменитом заседании Президиума ЦК в июне 1957-го, после чего превратился в «и примкнувшего к ним». Его сняли со всех московских постов, отправив директором Института экономики АН Киргизии.

После опалы в очередной раз отвратительно повела себя Академия наук СССР, членом-корреспондентом которой Шепилова избрали ещё в 1953-м: его лишили звания 26 марта 1959 года, а вер-

нули его 32 года спустя. Странным выглядит и исключение из партии, оно последовало лишь 21 февраля 1962 года, зато восстановили через 14 лет, ещё при Брежневе. Долгое время Шепилов считался его главным конкурентом за главный партийный пост, но после опалы шансов не было никаких. С 1960 года вернувшийся в Москву экономист и дипломат работал археографом, затем старшим археографом в Главном архивном управлении при Совмине СССР — странная, надо сказать, должность для человека в расцвете сил, возглавлявшего за три года до этого МИД могущественной империи.

Газета «Совершенно секретно» публикует фрагмент биографии Дмитрия Шепилова, написанной его внуком Дмитрием Косыревым и вышедшей под названием «Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов» в издательстве «Бослэн».

Алексей Мокроусов

НИКИТА ХРУЩЁВ И ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ

(и главное – доказать это трудом своим) коммунист, готовый честно и безоговорочно выполнять решения Пленума, решения XX съезда партии.

Д. Шепилов».

Далее же следует какой-то попросту кафкианский изгиб стиля, который свидетельствует, в каком состоянии Шепилов в тот момент находился:

в санаторных условиях в Железноводске, после чего может быть решён вопрос об оперативном вмешательстве по поводу желчнокаменной болезни.

«P. S. Я созвонился с Вашим Секретариатом об отсылке письма 24.8. Но очередной приступ болезни снова приковал меня к койке. Конечно, меня не может не тяготить мысль, что в такое нужное для работы время у меня с особой остротой проявились мои трудные и практически неизлечимые недуги. Но я постараюсь это преодолеть. Сегодня передали по радио об успешном испытании нашей межконтинентальной баллистической ракеты. Какое великое дело сделано нашими учёными и военными для нашей Родины,

для дела безопасности!

Д.Ш.»

История такая: как формулировала лечащий врач Шепилова в те дни (и его друг после этого на всю жизнь) Эмма Рыжова, в Боткинскую больницу он попал в «состоянии крайне подавленном», с обострившейся язвой — и вот тут ему поставили новый диагноз. Вроде бы сам по себе не такой и страшный: камни в желчном пузыре.

В свои 52 года (речь о 1957-м) Дмитрий Шепилов выглядел и казался человеком непобедимого здоровья, способным работать без сна и выходных, так и работал. Однако язва у него была с 1928 года, со времени его работы в Якутии или, скорее, в Смоленске. Но — это тогда было то ли нормой, то ли модой — отмахивался от болезней. И в целом, с учётом того, что всю войну провёл на фронте (в том числе в качестве рядового ополченца), перед нами человек редкой силы и

живучести.

Но любые силы когда-то кончаются. Вот справка из Клинической ордена Ленина больницы им. С. П. Боткина насчёт того, что с 4 июля до 9 ноября 1957 года он находился там по поводу язвенной болезни 12-перстной кишки, периудаденита, сопутствующего гастро-

та и — как уже сказано — желчнокаменной болезни. По заключению профессоров-специалистов (следует длинный список таковых), «б-ной» в настоящее время нуждается в продолжении лечения в санаторных условиях в Железноводске, после чего может быть решён вопрос об оперативном вмешательстве по поводу желчнокаменной болезни.

После двух месяцев лечения Эмма с трудом отправила его в подмосковный санаторий, язва там всё-таки зарубцевалась. А назначение, пока он болел, состоялось. В Киргизию, Фрунзе (ныне Бишкек).

ССЫЛКА В КИРГИЗИЮ

Формально в ссылку Шепилова, как члена-корреспондента Академии наук, эта самая академия и отправила, согласно документу № 552427 от 2 ноября: «в распоряжение Президиума АН Киргизской ССР для использования на работе в качестве директора Института экономики». Подпись: вице-президент АН академик К. В. Островитянов (кстати, соавтор Шепилова по учебнику политэкономии, за который мой дед собственно и был избран членкором).

В Киргизии язва открылась заново и никаким образом не закрывалась. Что Шепилов делал и что смог сделать в Киргизии? Прежде всего, создать себе массу новых неприятностей. В том числе потому, что слишком старался в очередной раз быть образцом во всём, работать не жалея сил. Начнём вот с чего: этот самый Институт экономики он, по сути, создал. Потому что до того он существовал только на бумаге.

Как положено в бюрократической системе, Шепилов отчитывался. Вот один из таких отчётов за 1958 год (в качестве членкора академии он шлёт его в бюро отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР). Получается такая картина: для начала «отредактированы и сданы в печать 6 работ института». За год. Работы — это книги. Тут добавим информацию из другого документа — письма в ЦК КПСС, — что за все прежние времена своего полу-

существования институт сдал 2 брошюры. Далее: принимал участие в 4 районных экономических конференциях, выступал там, готовил доклады. Участвовал во 2-й Среднеазиатской конференции энергетиков и экономистов в Ташкенте, собраниях Академии наук СССР. Работал с 4 аспирантами в Киргизии. (Тут надо снова пояснить – это только он сам с ними работал, а институт всего набрал 20 аспирантов, впервые в своей истории.)

Ещё участвовал в заседаниях Госплана республики по рассмотрению перспективного плана на 7 лет. Далее, с начала 1958 года сам Шепилов приступил к разработке собственной монографии — «Общая теория социалистического расширенного воспроизводства». Кроме того, по плану работ института он взял на себя тему «Вопросы рационального использования трудовых ресурсов» Киргизии. Сделал 63 статистические таблицы, после чего к концу года можно было приступить к составлению баланса трудовых ресурсов Киргизии.

И ещё одно – насчёт стиля шепиловского руководства. Думаете, институт – это когда люди сидят за столом и шуршат бумагами? А вот нет, и директор должен быть первым во всём подавать пример, вот какой: «Чтобы заниматься экономической наукой конкретно, я ознакомился с работой многих десятков шахт, рудников, заводов, фабрик, совхозов, колхозов г. Фрунзе, Ошской, Джалал-Абадской, Иссык-Кульской, Фрунзенской областей». Это – за год.

Однако с 26 августа 1958 года Шепилова понизили до замдиректора. И он продолжал делать всё то же самое, просто за меньшую зарплату. В чём он провинился? Версии есть разные. Одна из них – Екатерина Фурцева.

Дело в том, что Шепилов в 1958 году, может, и был в ссылке, но обязанности

директора института в Киргизии предполагали поездки в Москву на сессию отделения экономики, философии и права Академии наук. Он и ездил, и попутно бывал у московских врачей — в июне и, как видим, в декабре. Но бывал он не только там. Известен случай, когда Шепилов в том году оказался в первом ряду в Большом театре. А рядом с ним — Екатерина Фурцева, в тот момент уже больше не секретарь Московского комитета партии (Хрущёв не забыл никого из тех, кто пытался его сместить, пусть они в какой-то момент и «примкнули» к хрущёвскому лагерю) и ещё не министр культуры, а просто (пока ещё) кандидат в члены президиума.

Крик «Это провокация!», изданный Фурцевой в бурные июньские дни 1957 года, в этот раз — в зале Большого театра, — может, и не прозвучал. Однако рассказывают, что она потребовала у помощников узнать, кто дал ей билет «рядом с Шепиловым» и как это получилось. Получилось-то просто — был спектакль Арама Хачатуриана («Спартак»?), и он, узнав, что Шепилов в Москве, разыскал его и послал ему билет. Знать, что администратор Большого на соседнее кресло выдаст билет Фурцевой, Хачатуриян не мог, и отчитываться по этому поводу ни перед кем не собирался. И, конечно, Фурцева не была бы Фурцевой, если бы не доложила не иначе как лично Хрущёву со всей возможной поспешностью: была провокация. Она не виновата. Что делает Шепилов в Москве, тем более в первом ряду Большого театра?

— В первом ряду Большого театра:
Нет, я требую, чтобы мне ответили:
что он тут делает? А он, как членкор ака-
демии, должен посещать там собрания...
Ах, он академик?

*«Общее собрание Академии наук Союза
ССР, постановление 26 марта 1959 г.*

*Выписка: 4. О В. М. Молотове и
Д. Т. Шепилове.*

Информ		На	С.д.	Го.	Ч.
Признак		№			
Категория и отметки особого вида					
<p>Куда: Москва Пресня Кому: Товарищу Соколову</p> <p>Все средстvа приема передачи качества позадицтвований не даю в регионе профессоров и про фессианалов кипрской промышленности и СССР. Согласен с первым ковром изображенным на Приставном оружии во время боев за Африку под командой профессора В.М. Окунева. Второе же оружие оружие изображено в чистом виде в музее Франции в Париже. Вид наружу оружия изображено в музее в Париже.</p>					

ТЕЛЕГРАММА ДМИТРИЯ ШЕПИЛОВА В КРЕМЛЬ

ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ – ВО ВТОРОМ РЯДУ, ВТОРОЙ СЛЕВА. В ПЕРВОМ РЯДУ, СЛЕВА НАПРАВО: А. МИКОЯН, Е. ФУРЦЕВА, Н. ХРУЩЁВ, Н. БУЛГАНИН, Н. ШВЕРНИК

Лишить Шепилова Дмитрия Трофимовича звания члена-корреспондента АН СССР как участника раскольнической политической группы, выступавшей против интересов народа, не оправдавшего высокого доверия, связанного с обязанностями члена-корреспондента Академии наук СССР.

Если у кого-то есть какие-то сомнения: никакой собственной инициативы академии тут не было. А был звонок из Кремля: у вас сегодня общее собрание академии? Исключите Шепилова (и Молотова) из её состава. Об этом Шепилову потом рассказывали неоднократно руководители АН СССР, включая её президента. (Кстати, в 1991 году, за четыре года до своей кончины, Дмитрий Трофимович был восстановлен в звании членкора Академии наук. – Ред.)

К этому моменту Шепилов был в очередной раз на больничной койке. В январе 1959 года появился приказ об изъятии из библиотек страны всех научных работ Шепилова, написанных им за 32 года. 1 февраля 1959 года он получил на руки очередное киргизское заключение: сначала в неврологический стационар (иначе язва не поддастся), потом в хирургию. И это подкреплено заключениями целого сомма московских специалистов, академиков и профессоров. То есть смысл всё тот же: оперировать не будем. Кто угодно, только не мы. Пусть лечит язву и нервы.

Итак, в порядке лечения нервов – член-корреспондент АН СССР, получивший это звание не в силу партийной должности, а за первый в советской истории учебник политэкономии, без которого тогда немыслимо было обучение тысяч студентов, больше не в академии.

«Лишён авторства на 3-е издание учебника политэкономии, в котором мною написано 12 глав и вместе с академиком Островитяновым проведено редактирование всей книги». Это из записок Шепилова, который вёл подсчёт репрессий, что на него обрушивались одна за другой уже после 1957 года. Иногда их у него получалось 17, иногда 24.

Но подождите, лишён авторства – это как? А очень просто: как раз в то время учебник в 3-м издании вышел, студенты по нему продолжали учиться, имена соавторов на обложке и не только на ней остались: Островитянов и все прочие. Кроме Шепилова. Да-да, написанное Шепиловым сохранялось, только фамилии не было. Но снять фамилию, оставив текст (а как насчёт выплаты авторских, интересно)? Это сильно.

Вишневского называли богом хирургии. Но даже боги иногда сомневаются в своём всемогуществе. Делать операцию язвеннику, по части нервов доведённому до крайности... Весной 1959 года про-

фессор Вишневский предупредил об опасности оттягивания операции. Однако, пишет Шепилов, «ходом вещей 2 марта я оказался в специальной больнице им. Соловьёва и пробыл там 3 месяца». Диагноз – тяжёлое истощение нервной системы. Вишневский перенёс операцию на сентябрь – октябрь, и то после санаторного лечения.

После Соловьёвки было вот что: «Справка, выдаётся на руки инвалиду: РСФСР, Министерство социального обеспечения.

Москва, Ленинск. врачебно-трудовая экспертная комиссия
ВТЭК № 1, 17 июня 1959 года»...

В общем, освидетельствован 17 июня 1959 года, признан инвалидом второй группы. Человеку 54 года. Санаторное лечение? Но прямо из Соловьёвки (и ещё до инвалидности) Шепилова вызы-

вают во Фрунзе. Результат вызова и долгих бесед таков (опять же – из шепиловского архива, в копиях):

«Первому секретарю ЦК КП Киргизии товарищу Раззакову И. Р.

Третий месяц как я серьёзно болен и по предписанию консилиума врачей со 2 марта нахожусь в Московской психоневрологической больнице им. Соловьёва...»

И объясняет: лечиться надо ещё не меньше месяца. А дальше предстоит операция на желчном пузыре. И (как он полагал) ещё и резекция язвы. Раньше, пишет Шепилов, он сам просил отправить его подальше от Москвы – в Якутию, Сибирь, на фронт, но...

«Но теперь я болен, я тяжело болен. Я совершенно неработоспособен и лишён возможности в таком состоянии ехать куда-либо». Поэтому Шепилов просит Раззакова: «... через Ваше посредство

имею в виду обращение в ЦК КПСС и лично к товарищу Н. С. Хрущёву с глубокой просьбой... освободить меня от занимаемой должности зам. директора Института экономики и откомандировать совсем из Киргизской ССР с тем, чтобы я примерно годичный срок мог провести в Москве, в соответствующих институтах и больницах». Дата – 29 апреля 1959 года.

20 июня он пишет президенту Академии наук Киргизской ССР проф. Ахунбаеву И. К.: уже четыре месяца в больницах, переведён на инвалидность, работать не могу. Прошу освободить... 17 июня освободили.

Можно ехать в Москву, лечиться с чистой совестью (ну не хотел человек получать зарплату заместителя директора института, если несколько месяцев не мог работать)? Да, он отправился в Москву, потом в санаторий. С примечательным названием, о котором чуть позже. Дальше – языкок документов.

«ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ 4-КОМНАТНУЮ КВАРТИРУ»

«20 августа 1959. Шепилову Д. Т.

(Обращение – никакого «уважаемый», просто Шепилову Д. Т.)

В связи с постоянной работой в г. Фрунзе... Вам представлена в г. Фрунзе по ул. Дзержинского, дом 50, отдельная двухкомнатная квартира размером 35,4 кв. м. Одновременно Вы, имея семью два человека, сохраняете за собой 4-хкомнатную квартиру в г. Москве, в доме Академии наук СССР по Ленинскому проспекту, 13. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1950 года № 1564, прошу Вас до 1 сентября 1959 года освободить четырёхкомнатную квартиру в г. Москве, по Ленинскому проспекту, 13, размером 95,75 кв. м и передать её в распоряжение Академии наук СССР.

И. о. главного учёного секретаря Президиума Академии наук СССР, член-корреспондент М. И. Агошков».

Не будем забывать, что время было советское. Это сейчас можно, перестав быть членом правительства, сохранять за собой свою собственную квартиру, а тогда «собственных» квартир не было. Они все были чьи-то ещё.

Ну вот вывели Шепилова из аппарата ЦК – хорошо, что не расстреляли, дело ведь было в марте 1938-го, – и ему, раз так, надо освободить жильё в доме управделами ЦК на Котельнической набережной, 17, где была «3-комн. квартира площадью 78,81 метра». А где жить? ЦК просит АН СССР дать квартиру в домах академии. Шепилов тогда «всего лишь» профессор, но ведь из ЦК его перевели в систему академии... Вот она и дала ему ту самую квартиру на Ленинском проспекте.

Насчёт второй квартиры во Фрунзе: ничего необычного в этом не было, когда, например, в ту же эпоху создавалось Сибирское отделение АН СССР, никто не лишил переехавших туда академиков московской квартиры. Но, извините, если вас только что вышвырнули из этой уважаемой структуры за раскольническую деятельность в другой структуре, то вам – в данной ситуации – одновременно становится негде жить. Ну как в США, когда, теряя высокооплачиваемую работу, вы вынуждены вдобавок выселиться из дома, если ещё не выплатили за него ипотеку.

Единственная квартира, которую Шепилов в своей жизни считал настоящим домом, была та самая – на Ленинском. Лучшие годы жизни. Победы, успехи, друзья.

В ответ – телеграмма президенту Академии Несмеянову от 26 августа:

«Письмом секретаря Академии мне предложено освободить занимаемую Москве квартиру тк сообщаю двтч решением втэк Ленинского р-на гор Москвы 17 июня я переведён инвалидность второй группы тк связи инвалидностью с работы в Киргизии уволен тк квартиру гор Фрунзе давно сдал тк получаю пенсию в

ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ С МАРШАЛОМ ГЕОРГИЕМ ЖУКОВЫМ

Ленинском районе Москвы зп жена работает Москве тчк находясь санаторном лечении Железнодорожное позже предстоит хирургическая операция Москве тчк выезжать мне некуда и предложение в письме секретаря об освобождении квартиры считаю незаконным тчк прошу телеграфировать санаторий должен ли я прервать лечение и выехать Москву для объяснений Шепилов.

Вдогон вторая его телеграмма, повторяющая первую — кроме формулировки: «выселяться мне кроме как на улицу некуда тчк прошу принять меры прекращения произвола и беззакона тчк». Внизу пометка об адресе отправителя (помните, я сначала его не назвал): Железнодорожный, санаторий имени думаете кого или чего? Двадцатого партсъезда! Десталинизация, новая прекрасная эпоха, Шепилов помогает на этом съезде Хрущёву писать «закрытый доклад»...

Дело, между прочим, было не только и не просто в выселении из квартиры. Из города тоже. Была такая штука, как прописка.

Представляю себе, как эту очередную телеграмму держали в руках телеграфисты. 31 августа, Кремль, Хрущёву (и копия некоему секретарю ЦК КПСС Брежневу и ещё Микояну): «Милиция лишила меня московской прописки тчк одновременно Академия наук предложила мне срочно выселиться занимаемой мной в Москве квартиры в которой я и моя семья прожили 21 год тчк в конце марта будучи серьёзно больным я через ЦК Киргизии обратился просьбой вам разрешить мне течение года провести Москве назначенное консилиумом лечение и операцию тчк... осенью предстоит тяжёлая операция московском хирургическом институте тчк выселяться мне некуда кроме как на улицу тчк прошу дать указание прекратить беззаконие в отношении меня Дмитрий Шепилов».

И думаете что? 2 сентября 1959 года прокурор города Москвы, государственный советник юстиции 2-го класса

ГЕОРГИЙ МАЛЕНКОВ, НИКИТА ХРУЩЁВ И ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ НА ДАЧЕ

Белкин Б.Ф., рассмотрев поступившие от Президиума Академии наук СССР материалы о выселении в административном порядке гр. Шепилова Д.Т., установил — то есть, извините, УСТАНОВИЛ, «что означенный направлен на постоянную работу в Киргизии и занимает там квартиру по ул. Дзержинского! Но, несмотря на это, дважды уведомил президента академии о своём отказе освободить занимаемую им в Москве жилую площадь.

Прокурор, государственный советник юстиции по этому поводу предписывает провести выселение в административном порядке. Ленинскому райотделу милиции следует оказать Управлению делами АН СССР содействие в исполнении настоящего постановления.

Документы кончились. Дальше пошли воспоминания его друзей. Со мной дед об этой истории не говорил никогда. Но были люди чуть ближе ему, чем я, им он рассказывал, да некоторые и участвовали в процедуре. Да, пока не забыл: бабушка Марьяна была с ним в Железнодорожном, но в другом санатории (с гипертонией), ей

тоже послали телеграмму, чтобы участвовала в выселении себя. Итак, бывший член-корреспондент АН СССР, но всё ещё профессор и генерал-майор Шепилов приехал из Железнодорожного, где лечил язву и нервы, и увидел, как выбрасывают в коридор, на глазах понятых и милиции, вещи из квартиры и самое дорогое — книги. Его дочь — моя мама Виктория уговаривала соседей взять вещи на время. Некоторые проходили мимо, отводя глаза. Потом, в заметках, он отводящих глаза не упоминал, но записал, что «самое дорогое для меня — библиотеку — взяла семья академика Никитина. Остальные пожитки взяли на хранение семьи академиков Бруевича, Лазарева (Добропольская), Удальцова и другие».

Тамара Толчанова описала затем эту сцену — со слов деда. Она из немногих людей, которым он такие вещи рассказывал. Вот он сидит на ступеньках лестницы и верёвкой связывает книги. Более 7 тысяч томов, по большей части прочитанных, или по крайней мере корешки всех их он знал. И дальше, держа в руках

этую верёвку, он задумывается: она крепкая. Выдергивает. Достаточно привязать её к железному ограждению лестничной клетки над проёмом...

И тут на плечи ложатся «крепкие, сильные руки» — то была уборщица на лестничной площадке. Он благодаря ей остановился, выжил. Но после выселения деда месяцами мучили головные боли и ещё бессонница (осталась на всю жизнь). Ему предстояли месяцы скитаний по Москве, по родным и друзьям.

Пока не забыл: у Марьяны была своя квартира, оставшаяся от её мамы, той самой замечательной женщины, старой большевички. И, как вы уже догадались... Да, вместе с московской пропиской. Но ещё была дочь Виктория, её муж — капитан Советской армии, участник войны Евгений Косярев и, извините, я. И у нас тоже была квартира, страшная, но в центре, рядом с Арбатом. И, как вы опять же догадываетесь... Но в нашем случае выселения на улицу не случилось. Поселили на тогдашней окраине Москвы, у самого метро ВДНХ (далее домов почти не было). До сих пор помню громадный овраг и церковь над ним, оптимистический запах свежего бетона: растёт хрущёвская Москва! Про то, почему мы туда переселились, мне, четырёхлетнему, никто, конечно, не рассказывал. Да и немалая часть книг той самой библиотеки пошла к нам домой. Кем бы я стал, если бы не они? Так что остаётся благодарить партию и правительство...

Об авторе:

Дмитрий Косярев — внук Д. Т. Шепилова. Профессиональный востоковед и журналист, был собкором «Правды» в Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах, сейчас — политобозреватель агентства «Россия сегодня». Известен как автор популярных исторических детективных романов и рассказов, публикуют их под псевдонимом Мастер Чэнь.

Фото предоставлены издательством «Бослен»

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2018 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»

ІНДЕКС 49542

3 міс. - 58,80 грн.
6 міс. - 117,60 грн.
12 міс. - 235,20 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА»

ІНДЕКС 35257

3 міс. - 35,46 грн.
6 міс. - 70,92 грн.
12 міс. - 141,84 грн.

ІНДЕКС 49056

3 міс. - 29,43 грн.
6 міс. - 58,86 грн.
12 міс. - 117,72 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА. ЛЬГОТНИЙ»
(Для передплатників попереднього
періоду та пенсіонерів)

ІНДЕКС 37104

3 міс. - 30,36 грн.
6 міс. - 60,72 грн.
12 міс. - 121,44 грн.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

(індекс видання)

Кількість компл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість передплати

Кількість компл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

місто

село

область

район

вулиця

буд.

корп.

кв.

прізвище, ініціали

ФАВОРИТКА ГЕНСЕКА

Сделав Брежнева наркоманом, она фактически управляла страной

**Ш. АЛЕКСЕЕВ, С. СОКОЛОВ,
С. ПЛУЖНИКОВ**

Специально для «Совершенно Секретно»

Мы живем в удивительной стране. В стране, которой управляют или диктаторы, или наркоманы, или горькие пьяницы. То ли правители нам такими достаются, то ли великий могучий русский народ их так перемалывает. Но факт остается фактом – целые страницы истории империи СССР, демократической России давно пора если не переписывать, то дополнять с точки зрения врачей и психиатров.

События, которые историки и политологи объясняли классовой борьбой и политической недальновидностью, зачастую происходили из-за порочной деградации, шизофренических изъянов мозга и болезненной беспомощности руководителей нашего государства. Помните великое противостояние двух супердержав СССР и США, железный занавес, угрозу ядерной и нейтронной войн, СНВ-1 и 2, ОСВ и массу прочих угрожающих политических аббревиатур? Хитроумные разведывательные операции ЦРУ и КГБ, глубокомысленные выводы западных советологов и кремленологов, происки Киссинджера? И чуть ближе – исследования ведущих геронтологов мира, обвиняющих наше Политбюро в старческом маразме, немало поспособствовавшем развалу Союза? А кухонные разговоры наших диссидентов, недоумение интеллигенции и здравомыслящих членов КПСС? Все было верно, все складно, но если бы все они знали, что их высоколобые размышления и доклады в свое время не учитывали один фактор – Фактор Медсестры, красавицы из 4-го главного управления Минздрава СССР.

Скупые упоминания о роли таинственной Медсестры в истории советского государства встречаются в мемуарах наиболее приближенных к Леониду Ильичу Брежневу людей. Но никто не раскрывал ее инкогнито. По-прежнему эта женщина остается одной из самых загадочных фигур эпохи состояния. Легенда и миф Кремля.

Журналисты попробовали напрямую задать вопрос об этой женщине сыну Брежнева Юрию Леонидовичу и его жене Людмиле Владимировне:

«Ходят много слухов, что у Леонида Ильича работала какая-то медсестра, которую, как утверждают, он любил...

Ю.Л. И доктор был постоянный, и медсестра. Но то, что он ее любил, это совершенно пустая болтовня.

Л.В. Да, была медсестра. И даже если она при нем присутствовала, то никто – ни журналисты, ни жена Леонида Ильича, ни его дети – не докажет, что у него с ней что-то было, при этом никогда третий не присутствует. Правда ведь?»

Честно говоря, нас мало интересует, кого любил Леонид Ильич и какие у него с кем были отношения. По большому счету не интересовала личная жизнь Брежнева и председателя КГБ Андропова, и членов Политбюро. Беспокоило их другое – то, о чем определенно сказал только в 1994 году в интервью журналу «Обозреватель» лечащий врач генсека Михаил Косарев: «Брежнев был наркоманом».

Мы не знаем, сам ли Брежnev начал эксперименты с психотропными средствами или его к этому подтолкнули. Но точно известно, что первый врач Брежнева Николай Родионов в начале 70-х уже был смертельно болен (рак легких), практически отстранился от дел и незаметно личные симпатии генсека привели к тому, что врача заменила Медсестра, у которой лучшим рецептом от всех болезней стали наркосодержащие таблетки и инъекции. Как же так случилось и к чему это привело?

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ. 1973 ГОД

ПРОТИВ НЕЕ БЫЛ БЕССИЛЕН ДАЖЕ АНДРОПОВ

Евгений ЧАЗОВ, академик:

«Начиная с весны 1973 года у него (Брежнева. – Ред.) изредка, видимо, в связи с переутомлением, начали появляться периоды слабости функции центральной нервной системы, сопровождавшиеся бессонницей. Он пытался избавиться от нее приемом успокаивающих и снотворных средств. В этот период и произошла роковая для Брежнева встреча с медсестрой Н. ... Ее близость к Брежневу принесла ей немало льгот – трехкомнатную квартиру в одном из домов ЦК КПСС, определенное независимое положение, материальное благополучие, быстрый взлет от капитана до генерала ее недалекого во всех отношениях мужа. К сожалению, я слишком поздно, да и, откровенно говоря, случайно, узнал всю пагубность ее влияния на Брежнева...

Чтобы выяснить все подробности и попытаться исправить положение, я встретился с лечащим врачом Брежнева Н. Родионовым...

Оказалось, что именно он, который должен был строго следить за режимом и регулировать лекарственную терапию, передоверил все это сестре Н. ... и ловкая медицинская сестра, используя слабость Брежнева, особенно периоды апатии и бессонницы, когда он нуждался в лекарственных средствах, фактически отстранила врача от наблюдения за ним. Мой визит к Брежневу не дал никаких результатов – он наотрез отказался разговаривать...

Реально оценивая складывающуюся ситуацию, я стал искать союзников в борьбе за здоровье Брежнева... К моему удивлению, меня ждало полное разочарование в возможности привлечь жену Брежнева в союзники. Она совершенно спокойно прореагировала и на мое замечание о пагубном влиянии Н. ... В двух словах ответ можно сформулировать так: «Портить отношения с мужем не хочу...»

Не получив поддержки в семье Брежнева, я обратился к единственному человеку в руководстве страны, с которым у меня сложились доверительные отношения, – к Андропову... По мере моего рассказа о сложностях, возникающих с состоянием здоровья Брежнева... улыбка сходила с лица Андропова, и во взгляде, в самой позе появилась какая-то растерянность. Он вдруг ни с того ни с сего начал перебирать бумаги, лежавшие на его столе.

Коротко суть поставленных вопросов сводилась к следующему: каким образом воздействовать на Брежнева, чтобы он вернулся к прежнему режиму и принимал успокаивающие средства только под контролем врачей? Как удалить Н. из его окружения?.. Надо ли информировать Политбюро?..

Андропов довольно долго молчал... а потом... начал скрупулезно анализировать положение... «Не могу я вам ничем помочь с удалением Н. из его окружения. Я как будто бы между прочим рассказал Брежневу о Н. ... И знаете, что он мне ответил? «Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу ее больше никогда не затрагивать». Так что, как видите, мои возможности помочь вам крайне ограничены, их почти нет... Эта информация может вновь активизировать борьбу за власть в Политбюро... основная фигура –

Подгорный... Не исключено, что и Кириленко может включиться в борьбу... Вот почему для спокойствия страны и партии, для благополучия народа нам надо сейчас молчать и, более того, постараться скрыть недостатки Брежнева...»

После состоявшегося разговора с Андроповым я решил еще раз откровенно поговорить с Брежневым... Брежнев не отмахнулся от меня... «Если надо, каждый день буду плавать в бассейне. – Только в этом он сдержал слово. – В отношении успокаивающих средств ты подумай с профессорами, что надо сделать, чтобы у меня не появлялась бессонница. Ты зря нападаешь на Н. Она мне помогает...»

Первый достаточно серьезный срыв произошел... накануне визита Брежнева в Польшу... За два дня до отъезда новый личный врач Брежнева М.Т. Косарев с тревогой сообщил, что, приехав на дачу, застал Брежнева в астеническом состоянии... Надо было срочно постараться вывести Брежнева из этого состояния. С большим трудом это удалось сделать, и 19 июля восторженная Варшава встречала руководителя братского Советского Союза... На следующий день предполагалось выступление Брежнева на торжественном заседании, и мы просили его выдержать намеченный режим, причем предупредили и присутствовавшую при разговоре Н. об ответственности момента. В ответ была бурная реакция Брежнева в наш с Косаревым адрес с угрозами, криками... он запретил пускать нас в свою резиденцию... Без нас вечером Брежнев принял успокаивающие средства, полученные от кого-то из окружения, вероятнее всего от Н., которая оставалась с ним. Что было дальше, описывает Э. Герек в своих «Воспоминаниях», в которых Брежнев предстает как странный и невменяемый человек. Мне больше, чем ему, было стыдно, когда Брежнев начал дирижировать залом, поющим «Интернационал»... Подобные ситуации возникали в дальнейшем не раз в ответственные моменты политических и дипломатических событий... Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда Брежнев поехал в Монголию с официальным визитом... впервые не врачи и охрана, а вся делегация видела Брежнева в невменяемом, астеническом состоянии... После Франции Брежнев перестал обращать внимание на наши рекомендации, не стесняясь, под любым предлогом стал принимать сильнодействующие успокаивающие средства, которыми его снабжали Н. и некоторые его друзья... Самыми страшными для всех нас, особенно для охраны, были моменты, когда, отправляясь в Завидово, он сам садился за руль автомашины... Однажды машина, которую он вел, чуть не свалилась с обрыва...

Приглашая, например, в Завидово своих, как ему казалось, друзей-охотников Н. Подгорного и Д. Полянского, он не только усаживал за стол медсестру Н., но и обсуждал в ее присутствии государственные проблемы.

К августу 1975 года было подготовлено знаменитое Соглашение по безопасности в Европе. Подписание соглашения, о котором так мечтал Брежнев, должно было состояться в Хельсинки... Мы поставили условие: чтобы во время поездки и в период пребывания в Финляндии у Брежнева были бы только официальные встречи – и ни Н., ни кто-либо другой не встречался с ним наедине... Возвращение в страну было триумфальным, а для нас печальным... Опять успокаивающие средства, астения, депрессия...»

Из книги «Здоровье и власть»

КГБ, МВД И МИНЗДРАВ: ОПЕРАЦИЯ «ЛИКВИДАЦИЯ»

Из воспоминаний Владимира МЕДВЕДЕВА, личного охранника Леонида Ильича

Брежнева и Михаила Сергеевича Горбачева, генерала КГБ СССР:

«...Куда бы мы ни ехали, в портфеле обязательно везли бутылку «Зубровки»... «Зубровка» стала для него наркотиком. Пил он понемножку, одной бутылки хватало на несколько дней, но ведь и организм был дряхлый, разваливающийся... Голь на выдумки хитра. Мы додумались разводить «Зубровку» кипяченой водой... Брежнев после выпитой рюмки иногда настораживался:

— Что-то не берет...

Утром мне позвонил помощник Андропова, попросил приехать:

— Надо кое-что взять.

Я понял, о чем идет речь...

— Леонид Ильич звонил, говорил, что у вас проблемы с этим напитком. — Андропов протянул мне сверток. — Я передаю это вам, но у меня просьба, чтобы он как-то поменьше употреблял...

Я рассказал, что мы разбавляем этот напиток вполовину и что рискуем оказаться разоблаченными... Пустышки стали поступать нам именно после этого разговора, во всяком случае, перебоев с ними, как прежде, не было...

Чтобы упорядочить прием лекарств, Чазов, видимо, не без совета с Андроповым, решил установить при Генеральном медицинском пост. Хорошая идея в дурном исполнении принесла обратные результаты. Вначале работали две смешанные медсестры. Но, как это часто случается, одна выжила другую... Между Брежневым и миловидной медсестрой установились, как принято говорить, «особые отношения», и он объявил: «Пусть будет одна». Бесконтрольность стала полной. Молодая женщина с брюской внешностью, наверное, была в ряду хороших медсестер в 4-м главном управлении. Дело свое знала, с обязанностямиправлялась легко. Вначале она держалась скромно — тише воды, ниже травы... Как-то незаметно и быстро она обрела власть. Пришла она еще при докторе Родионове... он передал весь набор снотворных медсестре и почти перестал появляться на службе. Это его более чем устраивало. Устраивало и медсестру, ставшую полной хозяйкой, устраивало и Леонида Ильича Брежнева, прихоти которого она безропотно выполняла... Тот без нее не мог ступить шагу и очень боялся, как бы ее от него не отстранили. Она по-хозяйски вмешивалась в работу врача-диетолога, сама заказывала блюда, поварам подсказывала, как готовить пищу, офицантам — когда, сколько и что подавать к столу генсека.

Виктория Петровна видела все это и очень нервничала. Конечно, медсестра попортила ей нервы и уж точно — намного укоротила жизнь Леониду Ильичу Брежневу. У Нины Аркадьевны были своя семья, ребенок, домашние хлопоты. Она спокойно добавляла в рацион одну-две таблетки снотворного. Леонид Ильич на пару часов засыпал, а она могла отправляться по своим личным делам...

Я и теперь считаю, что на Брежнева воздействовать было можно... Может быть, напугать — заболеет тем-то, откажется от какой-то орган... Ведь, в конце концов, хоть и с трудом, но бросил же он курить, испугавшись за здоровье...

Пытаясь отлучить Брежнева от медсестры, его стали обманывать: завтра ее не будет — мол, муж заболел, ребенок заболел, еще там что-то дома неладно. В конце концов дело зашло далеко, и, чтобы окончательно разлучить их, понадобилось проводить целую операцию с участием руководства КГБ, МВД и Министерства здравоохранения. Прямо не медсестра, а Мата Хари какая-то... Муж ее, служивший в пограничных войсках... погиб в дорожной аварии в 1982 году — в год смерти Брежнева. Тоже, видимо, пришло ей потом пережить немало горя в жизни.

После нее стало легче влиять на Брежнева, по крайней мере, запивать лекарства «Зубровкой» Леонид Ильич перестал...»

Из книги «Человек за спиной»

ПУСТИШКИ ДЛЯ ГЕНСЕКА

Михаил КОСАРЕВ, личный врач Леонида Ильича Брежнева:

«...В 1975 году, когда я его принял, он был уже перегружен успокоительными седативными средствами и привык к этим препаратам. На медицинском языке это называется «лекарственная зависимость», а в обиходе — наркомания. Воздействовать на его психику было уже довольно сложно. Убедить его в том, что надо сокращать дозы, мне не представлялось возможным, потому что более приближенным к нему человеком из медицинской среды была медсестра, которая, в общем-то, и ведала выдачей этих препаратов, что меня, конечно, очень удивило.

Постепенно мне удалось узнать, что она имела к ним свободный доступ с разрешения высшего начальства. Она взяла на себя многие функции: занималась массажем, измеряла давление, делала инъекции...

Вся «производственная деятельность» Леонида Ильича — встречи, визиты, крупные мероприятия — зависела от его загруженности этими препаратами. И мы с Чазовым всегда планировали и подавали его помощникам график, когда выход Леонида Ильича на люди был невозможен...

Все шло от приема этих препаратов: и скованная походка, и заторможенность, и вялая речь!..

По моим ощущениям, он был уже от всего отстранен вот этим своим состоянием... Нас всегда страшило, что он в бассейне не утонул — под этими-то препаратами... Два человека охраны с ним постоянно были в воде...

Он буквально вымогал эти препараты у своих коллег, у членов Политбюро. Я сам присутствовал однажды при таком разговоре, когда сидели его помощники — Руслаков, Иноземцев — и он спрашивал у них, кто что принимает для сна. Ну, люди ему совершенно откровенно отвечали. А он: «Дайте мне попробовать ваши препараты, хоть немножечко дайте!» Ну и они без злого умысла ему давали... Некоторые, конечно, консультировались с нами. В частности, Андропов — с Чазовым. И только получив от Чазова какие-то препараты — чаще всего это были пустышки, — он их посыпал Леониду Ильичу. Эти пустышки специально изготавливались по нашему заказу, Евгений Иванович обращался в иностранные фирмы, и они делали эти пустышки точно такого цвета, точно такой формы, в тех же упаковках, что и настоящие лекарства...»

Из интервью журналу «Обозреватель»

СЛАВА ХХV СЪЕЗДУ!

Евгений ЧАЗОВ, академик:

«Что же делать? — не раз спрашивал Андропов, обращаясь больше к самому себе... Остается одно — собрать весь материал с разговорами и мнениями о его болезни, недесспособности, возможной замене. При всей своей апатии лишаться поста лидера партии и государства он не захочет, и на этой политической амбиции надо сыграть».

Конечно, Андропов в определенной степени рисковал. Только что подозрительный Брежnev отдал от себя одного из самых преданных ему лиц — своего первого помощника Г.Э. Цуканова. Говорили, что сыграли роль наветы определенных лиц, и даже определенного лица. Сам Георгий Эммануилович говорил, что произошло это не без участия медсестры Н.

К моему удивлению, план Андропова удался... А мне Брежнев прямо сказал: «Предстоит ХХV съезд партии, я должен хорошо на нем выступить... Давай подумай, что надо сделать». Первое условие, которое я поставил, — удалить из окружения Н.

Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медперсонала. Н. заявила, что не уедет в отпуск без того, чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все ваши уговоры. И все останется по-прежнему...»

Кавалькада, вышедшая из дома навстречу Н., выглядела, по крайней мере, странно. Генсека я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана... Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже ждет. Окинув всех нас, стоявших стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала...

Что я четко уяснил из сложных политических коллизий, прошедших на моих глазах, так это то, что ради пользы страны и народа руководитель не должен оставаться на своем посту более десяти лет. Уйти Брежнев с поста лидера в 1976 году, он оставил бы после себя хорошую память...»

Из книги «Здоровье и власть»

ДАЖЕ НА ОТДЫХЕ ГЕНСЕК НЕ РАССТАВАЛСЯ С СИМПАТИЧНОЙ МЕДСЕСТРОЙ НИНОЙ КОРОВЯКОВОЙ. КРЫМ, НИЖНЯЯ ОРЕАНДА, ГОСДАЧА. 1973 Г

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Так кто же эта загадочная медсестра Н.? Кто эта женщина, перед которой заискивали даже всемогущие члены Политбюро, одного слова которой порой было достаточно для того, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС принял то или иное решение?

Мы искали легендарную Медсестру почти год. Прежде всего для того, чтобы проверить воспоминания именитых академиков и генералов о Леониде Брежневе. Ведь согласитесь: так легко свалить собственные провалы на стрелочника, на мифическую Медсестру. Ведь получается, просто какая-то женщина-вамп посадила генсека на иглу и «колеса», уложила его в кровать — вот тебе и застой...

Наконец в конце октября 1997 года нам повезло. Во время разговора за обеденным столом с одним из высокопоставленных чиновников мы услышали долгожданное: «Нинка? Коровякова? Как же — заставила она нас поработать. Любимая женщина механика Гаврилова, понимаешь. Целую операцию на площади Дзержинского пришлось разрабатывать, чтобы ее отстранить от тела генсека».

На наше счастье, Коровяковых в Москве оказалось немного — двенадцать семей. Круг поиска сразу сузился после того, как мы узнали, что медперсонал ЦКБ получал квартиры в Крылатском. Так что вскоре мы узнали и ее полное имя, и даже адрес.

Мы сделали все возможное для того, чтобы уговорить Нину Коровякову дать интервью. Мы готовы были напечатать все, что она расскажет о своей работе в Кремле. Ни в какую. Отказа-лась решительно и категорично — нет! Но поскольку речь идет об истории государства — страна должна знать своих героев.

...Четыре дня у подъезда двенадцатиэтажного кирпичного дома на Мало-filaevskой улице неустанно и без выходных дежурила наша репортерская бригада. Но прежде неделя ушла на поиск подхотов, на то, чтобы узнать Нину Аркадьевну в лицо. Задача не из простых, учитывая, что дом охраняется весьма бдительными вахтерами. Две машины, рации, радиотелефон, самые мощные фотообъективы. Ежедневное дежурство на восьмом этаже строящегося напротив дома.

Страна должна знать своих героев. Может быть, для кого-то сегодня Нина Аркадьевна — безобидная пожилая женщина, которая каждый день в двенадцатом часу выходит из дома со своей сумкой-коляской в магазин за покупками. Да так и есть. Мало ли что было в прошлом? Только вот наше прошлое не такое безобидное. Почему мы с такой легкостью готовы вымарывать нашу память и историю? И когда из интервью личного лечащего врача Брежнева мы узнаем, как академик Чазов заказывал на Западе для Леонида Ильича таблетки-пустышки в точно таких же упаковках или когда генерал Медведев разбавлял для генсека «Зубровку», сразу вспоминается машинка для закатки водки генерала Коржакова, который, по собственным воспоминаниям, лично изготавливал для Бориса Николаевича Ельцина до предела разбавленную водку. Или когда в Польше Брежнев стал дирижировать залом, поющим «Интернационал», трудно не вспомнить берлинскую эпопею Бориса Николаевича, дирижирующего местным оркестром и поющими «Калинку-малинку». К сожалению, длинный перечень параллелей можно продолжать до бесконечности.

Нина Аркадьевна Коровякова категорически отказалась в 1997 году давать интервью и тем более фотографироваться. Она считает, что все это — ее личное дело, ее личная жизнь. Может быть, и так, если бы в свое время от одного ее слова или жеста не зависела судьба, как это принято сейчас говорить, миллионов простых россиян. И, конечно же, понятно, что дело не только в симпатичной медсестре Нине Аркадьевне Коровяковой... ■

Дом, где всегда боялись гостей Грановского, 3

Яков Джугашвили, Жуков и Рокоссовский, Поскребышев и Хрущев, Вышинский, Суслов, маляр Вася и их жены в воспоминаниях соседей

Александр ТЕРЕХОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Счастье советского человека изменилось квадратными метрами. Люди, жившие в этом доме, должны были радоваться: пять этажей, пятьдесят две квартиры по триста квадратных метров, по три «сотки», — такое счастье, что хоть и не умриай. В этом доме люди и не умирали. Все его жильцы умерли в «кремлевской» больнице, а в этом дворе, где не уставал фонтан, не слышали похоронного марша и не видели, как руки поднимают гроб на грузовик.

Кремль не любит домашнюю жизнь, чайники и шелпанцы, вокруг власти нету жилья, детишек, велосипедов, этот дом ближайший к Кремлю: «пятый совминовский». Или — «индийская гробница» (ажурная лепнина, стены в мемориальных досках). Или — «улица Грановского, дом 3». Теперь — Романов переулок. Камень.

Как властны над нами камни. Даже близкие люди и любимые превращаются в надгробья, от всего, что составляло жизнь всех людей, остаются лишь каменные дома. Почтовый адрес.

Наверх селились маршалы, герои, вожди, разведчики, красавицы, дипломаты, наркомы. Вниз — уборщицы, сантехники, маляры, полотеры, лифтеры, дежурные в подъезде, которые ласково звонили в квартиры: «Разрешите подать почту?» — и суровым допросом заворачивали оглобли чужакам: этот дом не любил гостей.

Однажды постучалась женщина с мальчиком, она искала путешественника Отто Шмидта — самую знаменитую бороду СССР после геройского плавания на льдине. Женщина объяснила дежурному, что тоже плывала на льдине, что она — повариха с «Челюскина» и на льдине подружилась со Шмидтом, и от этой дружбы родился у нее сын. Теперь, когда он подрос, хотелось бы показать его путешественнику.

Дежурный позвонил польскому. Ему ответили: не надо, пусть уходит. И женщина с мальчиком ушла.

Дом стоял нетвердо, жильцы менялись, приливы-отливы, первые: Ворошилов, Пятаков, Орахэлошивили (очень не любил Сталина: «Ноги этого мерзавца в моем доме никогда не будет!» — этого ему не забыли), Буденный (выходил в день выборов поиграть на гармошке «на угол»), сын волостного писаря Мануильский, превратившийся в одного из руководителей Коминтерна (бежал из тюрьмы в корзине для белья, познакомился на маевке с выпускницей Института благородных девиц Елизаветой Николаевной из профессорской семьи, она бежала из ссылки в стогу сена, когда жандармы отошли в трактир выпить и закусить, поженились они в Париже), жил длинный, сутулый, носивший длинную шинель Яков Джугашвили с бархатными, как персик, складами, с женой, довольно красивой еврейской, из тех, что знают себе цену.

По двору бегали дети Фрунзе — Тимур и Таня, мать их очень болела, туберкулез, за гробом мужа ее тащили на носилках. Дочка Фрунзе нечаянно поранила себя: отцу пришла посылка, он вспарывал ее ножом, нож высоко взлетал, кромсая нитки, но тут Фрунзе позвали к телефону, он бросил и нож, и посылку, а дочка взялась резать сама, поднатужилась — нож сорвался и рубанул по лицу — глаза нет. Жила с искусственным глазом.

Н. С. ХРУЩЕВ

Жили старые большевики, никто не может вспомнить, как их звали: муж да жена, она такая, без царя в голове, ходила так: цок-цок-

цок, вся раскрашенная, а когда муж умер — выбросилась с четвертого этажа, гулявшие по двору услыхали: ба-бах! Как мешок упал. А это — кончилась чья-то жизнь.

Дети «верхних» и «нижних» бегали вместе, лишь немногим мамы запрещали водиться с пролетариатом и выпускали подышать только поздно и только с нянечкой. «Внизу» славились монтер «глухой Ваня», маляры дядя Паша Ильин с племянником Васей (отделяли квартиру еще Владимиру Ильичу) и супруги Мошковы.

Он (Мошков) после работы с Калинским кроме пенсии получил недуг, ему казалось — за nim следят. Из дома выходил только в «кремлевскую» столовку: забрать для жильцов, желающих кушать дома, обеды в судках и «французские» булки. Жену его дети ненавидели. Она убиралась в квартирах, всем потом докладывая: где бронза, где фарфор.

Приливы и отливы ходили и внутри дома, всегда были свободные квартиры, в них можно было переждать ремонт. Одна квартира по очереди видела Якова Джугашвили, Буденного, Андреева, маршала Голикова, адмирала Кузнецова сменял возвратившийся

К. Е. ВОРОШИЛОВ

из Польши маршал Рокоссовский; арестованному наркому авиапромышленности Шахурину наследовал Тевоян, один из отцов тяжелой индустрии, внук медника, сын портного, бежавшего на лошади из Шуши в предчувствии погромов, а сын Тевояна получился на пятьдесят процентов армянином, на двадцать пять русским, на двенадцать белорусом, на шесть украинцем и на столько же молдаванином. Что касается богатств. Понимаете, есть большая история. Она в учебниках и прямая, как ружейный ствол. А если сильно «навести резкость», чтобы разглядеть дом, кухню, спальню, то большая история затуманивается, а проясняется маленькая история, а она не прямая, она вся загогулинами, там все неоднинаково.

В одно время рассказала в бриллиантах и жемчугах Светлана, дочка Молотова (хотя члены Политбюро не получали зарплат), Марьяна, дочка Ярославского, носила невероятные шляпы и ленты (жена Ярославского славилась тем, что отмечала интересных мужчин, дарила им цветы), обсуждали роскошь Майи Каганович, появлявшейся за рулем автомобиля в перчатках по локоть, автомобиль и шляпа одного цвета. А рядом, в том же доме, жила семья, отдавшая даже обручальные кольца на борьбу с голodom.

Несчастная, одинокая дочь Вышинского, высоченная, худая, с бронзовым лицом, измученная болезнью, наверное, щитовидной железы, наряжалась с претензией, хоть и не по сезону, но всегда с «камешками», жила барынькой: протягивала ножку, а домработница надевала ей сапожок и зашнуровывала. А у дочери Мануильского была одна юбка из бархатной подкладки отцовского пальто и одна белая блузка, которую приходилось все время стирать, а на моления справить хоть бы туфли в мастерской Коминтерна отец отвечал вечно одинаково: «Неудобно».

Военные тогда тоже не могли особенно разбежаться: командир дивизии получал меньше жены, инспектора райкома партии.

Обслуга не умела написать своего имени, была пугливой, холостой (все мечтали о месте в квартире на пятом этаже третьего подъезда, все домработницы оттуда почему-то мгновенно выходили замуж), но ни на миг верхние, богатые, властные, всесильные жильцы не забывали, кто набирает обслужку, кто платит ей деньги, какая беспощадная сила, обозначаемая в русской истории тремя или четырьмя буквами, владеет душами всех этих улыбчивых офицанток, ласковых нянек, это была особенность коммунистической роскоши — она имеет прреды, и, выйдя внезапно в переднюю, можно было застать одного из гостей за обшариванием карманов, услышать: «Спокойно. Я на работе» — и, кто бы ты ни был, ты поворачивался и на цыпочках уходил, и когда наступала пора исчезновений, именно прслуга красноречиво оказывалась в понятых — не отпускала своих хозяев, обслуживала до конца.

Боялись ли они — не узнает никто. Отцы и матери отмолялись до смерти, дети все знали и ничего не боялись, хотя видели, как колотится сердце у отца, которому нарком Ежов на попытку заступиться ответил: «Ты сам туда захотел?», как в один миг пропадают пять одноклассниц — Смилга, Рухимович, Ломова, Крестинская, Медведева, а шестого — Юрия Каменева — расстреливают за то, что он осмелился навестить в ссылке мать.

Дочка маршала Голикова нашла под подушкой в постели родителей пистолет и упала в обморок, решив, что в квартиру пробрались

М.А. СУСЛОВ

разбойники, и много позже узнала, что отец и мать решили застрелиться, когда за ними придут, и поэтому вызвали бабушку из провинции.

У Тевояна спросил удивленный земляк: «Да разве ты куришь?» Тевоян сидел в большой уютной квартире с настоящей печью, с черным ходом, с залом, где показывали потом трофеиные фильмы, где стояло чучело орла. Охотника, убившего орла, расстреляли, человека, подарившего чучело, расстреляли, сестру Тевояна посадили, с ним жила племянница, дочь Мирзояна, главы казахстанских коммунистов, — отца расстреляли, мать сошла с ума. Тевоян сказал: «Тут не то что закуришь — запьешь!»

Дом не имел языка, дом не умел говорить, люди молчали, даже когда умер Сталин, даже когда спрашивали дети, даже когда настали другие, полуводные брежневские времена, люди домолчались до смерти, между собой они говорили только на даче, уходя в лес, дружить они не умели, в гости не ходили ни на праздники, ни на дни рождения. Ворошилов позвал двух друзей распить бутылку, но лишь когда ему стукнуло семьдесят лет, а так даже с соседями только «здравствуйте!».

Осмеливались дружить только трое. Жильцы до сих пор с озабоченностью вспоминают, как в одни ворота заезжала вереница автомобилей, три друга — Берия, Маленков, Хрущев — собирались в одну машину и часа по два болтали, мечтали, каким рулить после смерти Отца, прощались, целовались и все никак не могли расстаться и наговориться под окнами маршала Конева (председателя суда над английским шпионом Лаврентием Берии), автомобили вереницей выезжали в другие ворота, Маленков и Хрущев шли по своим домам.

Жены осмеливались заходить на чужие кухни, умели говорить о нарядах, покупках, детях, курортах — много и пусто, никто не смел жаловаться на мужа.

ДОМ БЫЛ СЛЕП. Жильцы не смели видеть друг друга и обсуждать. Главный жилец дома был вообще невидим — Сталин. Больше чем человек, больше чем время, потому что все жили по его времени. Вот так, например, жил Тевоян: приезжал в пять утра, полчаса читал художественную литературу, спал до одиннадцати утра, уезжал. Так годами.

Сталин касался дома издали, своей силой наполняя неподъемным значением самые пустяковые явления и вещи: вдруг непьющий жилец приходил домой, сильно выпив, и все молчали — там нельзя отказываться, там (говорят) бутылки с двойным стеклом, из одной и той же льется кому надо — коньяк, кому не надо — чай. Или жилец приносил домой розу. Вообще он ненавидел цветы, плевался, когда жена совала букеты в руки: «Я же не на свадьбу еду!», но эту розу срезал ему Сталин. И он ехал с его дачи, всю дорогу не смея убрать цветок с колен. Дома розу ставили на видное место.

ТОЛЬКО ДЕТИ ВИДЕЛИ ВСЕ и запомнили всех. Ничего не зная про людей, идущих от машин к подъездам и наоборот, они любили их и не любили в согласии со своими необъяснимыми представлениями.

Дети любили «главного часового» — генерала Бочкова, начальника внутренних войск, который на самом деле был главным конвойным, он был весел и шутил.

Дети любили Хрущевых: от нее («нос картошкой») шло тепло, она командовала пар-

торганизацией дома; он, подвыпив, в пижаме и шлепанцах выходил на лестницу, садился на ступеньку — и с высоты пятого этажа неслась с завываниями негромкая песня.

Дети не любили Поскребышева: незаметного, маленького, рыжего, толстого, неулыбчивого, когда он шел, кругом шипели охранники: «Проходите! Не задерживайтесь!».

Не нравился Суслов. Прозвище — «дьячок». Ботинки нечищенные, на длинном обтрепанном пальто оборваны пуговицы, не уважал быструю езду, и если кто-то, возвращаясь с дачи, попадал в хвост сусловскому кортежу, то приходилось плестись до Москвы не скорее сорока километров в час, а если водитель с фронтовым прошлым плевал на злую судьбу и шел на обгон, его потом тащили куда надо: ты чего обгоняешь второе лицо партии?

Любили Хомича. Знаменитый динамовский вратарь, покинув спорт, сел в будку сторожа у левых ворот. В будке имелись электроплитка, столик и телефон.

Трудно сказать про Вышинского.

Водители ждали «своих» в машинах или у машин. Только водитель Вышинского осмеливался сидеть в подъезде. Его звали Гиль, он возил Ленина, его окружали дети, и он рассказывал им одно и то же, все про Ленина, что могло еще волновать советских детей, выстраивавшихся рядом, чтобы отдать честь маршалу Ворошилову и маршалу Буденному, и когда Вышинский выходил, он каждого ребенка гладил по голове и каждому давал конфету, карманы у него были набиты конфетами.

Кому-то он нравился, казался подлинным интеллигентом, сохранившим манеры с дореволюционных баснословных времен, любили его собачку Бишку. Кому-то в его доброте чуялась притворность.

Ходил он всегда с охраной, хотя по чину охрана ему не полагалась.

Умер он бесследно, и дочь его умерла одна — одинешенка среди случайных людей, архив пропал, имущество вывез странный грузовик, квартиру опечатали, говорят: погуляли в ней ловкие руки домового начальства!

Брат Кагановича Юлий запомнился тем, что в минуты гнева долбил кулаком по столу. Стекло летело брызгами. Хозяйственникам подосточертело вырезать каждый раз новое стекло, и они положили на стол плексиглас. Бедный Юлий чуть руку себе не сломал, пытаясь его разбить.

Любили до трепета маршалов.

А в остальном дети жили салочками, футбольом, кино, дворовыми трагедиями («Это кто нарисовал свастику на асфальте?!»), школой, тогда еще не блестящей — сына наркома могли подзатыльником выгнать из класса за списывание, но, в общем, они могли себе позволить больше, чем обыкновенные дети.

Эти дети могли носить в кармане пистолет. У руководителя авиапромышленности Шахурина, высокого белобрысого мужика, был сын Володя пятнадцати лет. Парень влюбился в дочь дипломата Уманского, которого назначили послом в Штаты и Мексику. Дочь звали Нина, тоже пятнадцать лет. Жила она в другом доме, «Доме на набережной», где квартиры были больше, где при входе к гостям не цеплялись вахтеры, еще от старых большевиков передалась жильцам привычка к честной бедности и чтению книжек.

Объяснялись Нина и Володя на Большом Каменном мосту, на лестнице, спускающейся к Театру эстрады. Или он просил ее не уезжать. Или приревновал. Или просто хвастался. Короче, девочку Шахурина-младший застрелил, наполовину. И выстрелил в себя. Умер, пожив еще день. Это было в 1943 году.

Весь дом клокотал (пистолет Володе дал сын Микояна): «Вот что сыночки начальников себе позволяют!»

Сталин сказал: «Волчата».

Мальчик был вроде неплохой, но сразу всем опротивел. Хоронили Володью пышно, весь двор в венках, а кто-то говорит, что мать его тужила недолго: пошли гулянки, цыганские романсы на весь подъезд, отца репрессировали, мальчик лежит на Новодевичьем, девочка в урне, в стене, рядом ее отец и мать, разбившиеся в самолете в сорок пятом году.

ЖИЛЬЦЫ ДОМА, КАК И ПОЛОЖЕНО НЕБОЖИТЕЛЯМ, были красивы. Мужики — все до одного. Потому что любого делают красивцем маршальские погоны или кабинет в Кремле. Выделялся Фирюбин, муж министра культуры Фурцевой (она попыталась покончить с собой, когда ее вывели из Президиума ЦК, к черному ходу подогнали машину и выносили из квартиры Фурцевой

И.В. СТАЛИН

линской родни по первой жене, — такие женщины не должны стареть и умирать.

Маршал Тимошенко любил побалагурить, выпить. Старшая дочь его выросла красавицей — высокая, статная, огромные глаза, очень смуглые, гладко зачесанные назад волосы, очень любила дорогие вещи — не для того, чтобы носить, а чтобы они были. Когда она шла по двору в длинном пальто, накинув на голову капюшон, оторченный мехом, с нее не сводили глаз.

Тимошенко рассказывал небылицы про ее мать и бабушку. Бабка была пленной турчанкой, нарожала детей от множества отцов, дочка ее, первая жена Тимошенко, слюбилась с его адъютантом и беременная сбежала с ним, адъютанта и его возлюбленную арестовали, и Катя родилась в тюрьме, росла у родственников, пока вторая жена маршала — учительница из Белоруссии — не разыскала и не вернула в семью.

Может, первые суровые годы так аукнулись, что нрав у Екатерины вышел крутой, да и Семен Тимошенко при внешнем добродушии иногда вызывал безумную спесь. Когда Сталин хохотнул: «Мой-то Васька с твоей путается!» — Тимошенко взбесился и заорал дочери: «Еще раз услышу или увижу — прогоню!»

И прогнал.

И Екатерина Тимошенко стала женой Василия Сталина, уехала с ним в Германию. Муж пил, куражился, она шла наперекор, он запирал ее, она выламывала двери, Василий быстро отходил, но жена изматывала его прерывательным молчанием, длившимся по месяцу, — что-то свершалось на соединении их судеб, но что?

Расстались, но тут помер Сталин. Екатерина приехала к противившему ее отцу и объявила: мы помирились. Но опять ненадолго, настал день, когда пришла она к Булганину: хочу развестись. Он сказал: «По-жа-луй-ста!»

У нее взяли паспорт и отдали его чистым. Никто не писал заявлений с просьбой развестись из-за «несходства характеров по психологическим мотивам».

Не выходило у многих.

ДЕТИ СОЕДИНЯЛИСЬ В «ЗВЕЗДНЫЕ СОЮЗЫ»: Чуйковы родились с

Тимошенко, Жуковы с Василевскими, Светлана Молотова вышла замуж за сына авиаконструктора Илюшина. И все неудачно, все развелись. Молотова (носила большие лягушачьи очки, ходила чуть боком, носила корсет из-за искривленного позвоночника) нашла себе другого — высокого Алексея Никонова (у того своя семья была), их сын — политик со сладким лицом Никонов — пропал в доме скандальным разводом, вызывали милицию, будущий политик встречал милиционера нога на ногу: «А вы знаете, с кем вы говорите?» — а вот мальчишкой был он совсем неплохим.

Дети жили красиво, мамаши, вышедшие из деревень и тьмы, повидав Китай, Японию, Германию, Польшу, привыкли наряжаться во французском секторе оккупации, дочекуствовали в институты поблизке к иностранному языку (никаких инженеров транспорта и покорителей целины), слали домой чемоданы одежды, косметика покупалась у спекулянтов. Когда родители уезжали на дачи, в доме веселились компании бравых летчиков, имевших трофейные «мерседесы», маршальских дочек, наркомовских сыновей, молодых дипломатов, выпивка, танцы, выезды на охоту, костры, коктейль-холлы. В квартиру Светланы Молотовой приходила другая Светлана — Сталина, просто одетая, тихая, она сидела всегда в сторонке, внимательно слушая остальных с видом человека, который пришел развеять тоску. Нравы были сдержаные: женатого кавалера с посторонней красавицей в дом не пускали, но многих губило питье, все хотели в этот дом, на солнцепек, все охотно подпевали хозяевам, все вместе пили, так прошло Левка Булганин.

И о любви слепое и молчащее время оставило нам только сплетни, годы смертей и места захоронений. Любовь этого дома была плотно обернута видимым нам образом жизни и многим, чего нам не увидать, и теперь не расставить по убыванию частички этой любви. Неизвестно, что было впереди: звериная верность, голос тела, привычка, союз коммунистов, тяга к роскоши и теплу. То, что было найдено однажды, и не умирало, и не умерло, и не умрет.

ЖЕНЫ ПЕРВЫХ ЖИЛЬЦОВ работали, горели, гордились, что, родив, и дня не сидели дома, няньки возили детей обедать к матери в райком, у матери одна юбка, один жакет, в волосах по бокам два гребешка и позади пучок — это поколение жизни слизнула без остатка. Жены Калинина, Молотова (она, кстати, одевалась пышно) сели, их мужья искали утешения на стороне, в Коминтерне какая-то Варвара Платоновна (из секретарш) впилась в Мануильского, и получилось, что он уехал в Киев руководить иностранными делами Украины с ней, а жена с дочерьми осталась дома, где их иногда ласково спрашивали: «А вы не хотите переехать?» В Киеве старик Мануильский слег, молодая хозяйка с помощью службы отнесла его и свои документы в загс и вышла законной женой без всякого развода. Первую жену она к Мануильскому не допускала, дочерям велела молчать: «Хотите, чтоб все узнали, что он двоеженец?»

Старик не мог выбраться из-под глыбы хворей, из-под того, что нагло придавливает стариков, получивших молодую подругу, он плакал: «Я до сих пор люблю свою жену, я помню, какая у нее была коса на маевке, где мы познакомились...» — но вернуться не мог, так и умер, сказав вдруг на прощание дочери: «Дай я тебя благословлю». Перекрестил и обнял. Человек, нелегально живший в Европе, готовивший мировую революцию. Дочери получили в подарок от него иноземных кукол: негра Тома и глазастую Нелли. Кукол привез немец, некто Зорге, кукол потом сожгли — когда дети переболели опасной болезнью и пришлось жечь все вещи. Ничего не осталось. Кроме мемориальной доски.

ПОТОМ ДОМ ПОДРУЖИЛСЯ С ВОИНСКОЙ СЛАВОЙ: Мерецов, Чуйков, Гречко, Василевский, Голиков, Якубовский, Жуков, Малиновский, Рокоссовский, Захаров, Конев, адмирал Кузнецов, маршал авиации Судец — в дом приехали маршальские жены. Все молодые, все красивые (лицо, как сковородка), беспартийные и неработающие — на вечном приколе.

Жизнь коммунистической знати была стремительной, новая аристократия еще не накопилась, и люди росли на голом месте — из слесаря в наркомы. Но жена наркома так и оставалась женой слесаря, а партийная дисциплина не позволяла развестись: терпи!

Г.К. ЖУКОВ

Но вот маршалам повезло: почти все до войны, в войну, после войны поменяли жен на «фронтовых», красивых и молодых, надежно устроив судьбы прежних, война расправила крылья, и можно было отдельаться от постылой судьбы подкаблучника и улыбнуться приложкой кассирше столовой: «Ну что, будешь моей хозяйкой!», повернуться и уехать на передовую владеть жизнями миллионов солдат, но кассиршу не забыть. И обмершая от счастья кассирша прямо с фронта в бескрайних хоромах вступала в командование поварихой, двумя официантками, сестрой-хозяйкой, следившей за казенным имуществом, то есть за всем, поскольку все имущество было казенным: от картин до вилок и ножей, всюду — бирочки, во всех квартирах одинаковая мебель фабрики «Люкс» из карельской березы или мореного дуба (как хозяева пожелают), разбитые тарелки выбрасывать не смели — складывали в мешок. Раз в год из КГБ приходили хозяйственники и проверяли сохранность имущества по длинному списку (копия списка хранилась в квартире), о стоимости вещей никакого представления не имели. Когда Хрущев велел: выкупайте или сдавайте — начались муки «что брат?». Ходили к коменданту: можно взять эту картинку? Комендант глядел в перечень: так, сколько там она? Три пятьдесят. Ну берите, все равно спишем. Картина оказывалась произведением Ивана Константиновича Айвазовского.

О деньгах тоже особенного представления не было, достаточно было вступить в кабинет мужа и окликнуть: «Васик!» (или «Вавик!») — тут же отпирался сейф и доставалась сумма, запросы были невелики: одно-два крепдешиновых платья, бархатная шляпка на шестимесячную завивку, всех обшивало ателье КГБ на Кутузовском проспекте, а если особенно повезет — шила театральная портниха, мать будущего хрущевского зятя Аджубея.

Сперва крепились, хватало «набора», полагавшегося маршалу, «батьку»: из шинельного сукна сооружали себе пальтишко, из каракуля на шапку — воротничок.

Богатства, якобы надаренные победоносным маршалам подчиненными в Европе, ни у кого особо не сверкали, лишь у Жукова провели обыск и изъятое вывезли на «студебекер», все, вплоть до шкур, и Сталин заметил: «Скорняк останется скорняком» — вспомнив, что служил Жуков до революции в меховом магазине. Сам Жуков, посетив прощальную выставку картин Дрезденской галереи, возвращающихся восвояси, довольно показывал на некоторые полотна: «Моя».

Одна девчонка, Марина ее звали, принесла с улицы домой на пятый этаж горсть драгоценностей. Домашние обомлели: кто дал? Оказалось: внук Жукова натаскал из дома, набрал «у бабушки». Побежали скорей возвращать.

У жены маршала Тимошенко за всю жизнь не накопилось ничего, кроме единственной брошки-«палочки» с семью бриллиантами. Тогда не копили. Они же не знали, что дальше будет.

Может, такая пора была, а может, такой был Сталин (что почти одно и то же), Сталин не любил дорогое выглядящих «дам», он любил простушек: испуганных, домоседок, скромниц, у которых на редких кремлевских приемах читалось в глазах краткое: «А у нас в деревне все не так!»

Сталину не нравилась вторая жена Буденного. Первая вроде застрелилась («А может, он сам ее пальнул», — признают во

дворе). Вторая — дочь железнодорожника, окончила консерваторию и пела в Большом театре. Маршал возвращался вечером домой и — шел, грустный, на чужую кухню: дома пусто. Сидел и сидел. Наконец появлялась певица: высокая, сильно накрашенная, в причудливой шляпе: «Ах, Сени, повинную голову меч не сечет!» Буденный расцвел, и певица не засыхала: нашла себе «кого-то» и потихоньку перетаскивала вещи к «нему» — тут ее арестовали, у нее открылся душевный недуг, и вернулась она только в 1956-м, была принята в дом, но место уже было занято: Семен Михайлович женился на ее двоюродной сестре, тихой студентке мединститута, заходившей помочь тетке по хозяйству. Вот эту жену Сталин одобрил: такая нужна!

Так что жены сидели по домам и не высывались, нагружались общественной работой. Жена маршала Голикова помогала Дому сирот войны, уговаривала артистов на безгонорарные концерты: Лемешев соглашался легко, после разговора с Козловским Голикова растерянно покачивала головой: «Опять ему парного мяса... А за чей счет?»

Александра Диевна, мать двоих дочерей, не была красоткой, но была хорошей, доброй женщиной, хозяйкой, летом хлопотала о соленых и вареных. На кухни она приходила жаловаться на неверность мужа, на его грубость: «Не позвонит, не предупредит... Смотрю: дверь открывается, заходит с адъютантом. «Эта картина мне нужна, это я тоже заберу, это мне надо». Собрал, повернулся и ушел. Даже слова ласкового не скажет».

Молодая хозяйка холедела, слушая эти повести, по двум причинам. Во-первых, Жуков и при жизни умудрялся быть вылитым из бронзы, его вид вызывал трепет, с ним никто не осмеливался заговорить даже в годы его опалы, казалось, вокруг него сияние! А тут... Во-вторых, молодая хозяйка, как и полагалось в этом доме, была чаще всего женой растущего военного и невольно прикидывала чужую беду на себя: вот ведь как может обернуться! Молодая хозяйка мягко и нервно говорила Александре Диевне, что совсем ничего не может сказать ей в ответ.

«Да мне не ответ нужен. Нужно, чтобы меня послушали...»

Вторую свою жену Жукова, Галину Александровну (новая теща была младше зятя), в доме любили, присматриваясь к ней в больнице, где она работала, — ее возил маршальский «ЗИС-110».

Жуков пережил их обеих. Галина Александровна умерла за год до него, в сорок семь лет. Александра Диевна умерла в 1967-м, в полном одиночестве. Не сразу даже узнали, что ее больше нет.

Рокоссовский попал на войну через Колыму, жена Юлия Петровна и дочка Ада три страшных года прожили в Армавире, и после войны он вернулся к семье, хотя все знали про его любовь с актрисой Серовой.

С женой Рокоссовский познакомился в Кяхте, в глухомани, он — каменотес, доброволец царской армии, красный командир, потомок старого рыцарского рода, по гроб не изживший акцента. Она — дочка купца, выпускница гимназии, знала два языка и потом еще выучила польский.

Друг друга они называли «папа», «мама», он звал жену «люлю».

Дочку называли Ада. Маршалы вообще детей называли чудновато. У Жукова первые дочери Эра и Элла, у Конева сын Гелий, у Чуйкова дочь Нинель («Ленин» наоборот), у Рокоссовского вот Ариадна — мать вспомнила греческий миф и назвала.

Дочь была вся хрупкая, ходила поникшая, словно несла на плечах ношу, как и многие маршальские жены, окончила пединститут, иностранные языки. Однажды она уехала отдыхать, а старшего сына оставила на попечение близких людей, и вышло так, что сына перепугали и он стал заикаться, — больше Ариадна никогда сына не оставляла. В пятьдесят три года она застрелилась из пистолета отца.

Оставила записку, но ее забрала милиция. Муж Ариадны, генерал, вроде гулял, там мелькала дочь какого-то лесника, следующая жена этого генерала была моложе его сына.

Для Юлии Петровны Рокоссовской жизнь остановилась в семидесятых годах, ее измучил склероз, и она так и не узнала, что дочь убила себя. Ее обманывали: Ада уехала отдыхать, Ада в больнице. Умерла Юлия Петровна в 1986-м, письменное обращение к Горбачеву даровало ей клочок земли на том же Новодевичьем.

Жалко человека.

Между Жуковым и Рокоссовским что-то решалось в русской судьбе, мерцало то, чего в нашей жизни нет, — выбор. Что можно было по-другому победить, пролить меньше крови.

Одногодки, кавалеристы, скорняк и каменотес, коренастый, плотный и высокий, они прошли всю войну близкими путями, пересекаясь, деля любовь, победы, салюты, Парад Победы, вплоть до единственной фразы: так и не ясно, кто же из них сказал перед исторической артподготовкой (в Сталинграде или на Курской дуге): «Ну, как говорится, с Богом!»

Победить должен был Рокоссовский, несмотря на иноязменное имя, за ним была слава страдальца за правду на Колыме, ласковое обращение (Жуков один раз за всю жизнь поздоровался с дежурной в подъезде — в день, когда его отправили на пенсию), красота, нестижательство: один из всех маршалов, он содержал за свой счет домработницу Ольгу Карповну, вывезенную с Украиной еще в давние времена. Ольга Карповна то уходила уборщицей в Генеральный штаб, то сизонова возвращалась (надо думать, НКВД делал ее жизнь неспокойной и разнообразной), а в доме булькало возмущение: это почему он ей платит, когда маршалам полагается бесплатно. К Рокоссовскому подходили: ты уж давай как полагается, тебе положено.

В 1945 году для Рокоссовского привезли и установили под Москвой дом из бруса, в нем был штаб его фронта под Берлином. Куда надо пришло письмо: маршал строит дворец. Булганин послал проверить.

Булганин ходил туда и обратно по участку и, устав, отвел Рокоссовского в сторону. «Костя, ты что, сдурул? Что это за изба? Давай мы тебе каменный дом построим!»

Его больше любили генералы, убеждавшиеся в жестокости и высокомерии Жукова. Как-то Рокоссовский приехал с проверкой Генерального штаба в полевой лагерь. Все вылизано, покрашено, подстрижено, меж ровнехонько установленных палаток, близкая погонами и фуражками, движется с попоти генералов следом за маршалом.

И — прямо на их пути, в двух шагах от «грибка», под которым застыл часовой, лежит огромная куча... дерма!

Все прекратили дышать. Про то, что бы сделал Жуков за такую картину, можно снять полнометражный фильм ужасов.

Рокоссовский оценил: «Молодцы. Хорошо солдат кормите». И пошел дальше.

Когда соперникам, постаревшим, отставным, больным, случалось лежать в госпитале на одном этаже, если загоралась лампочка вызова жуковской палаты, медсестры толкали друг друга: ты иди, нет, ты иди, я уже была. К Рокоссовскому вскакивали бежать все.

Но победил Жуков. Он — на коне. И уже додумался написать доктор исторических наук: «Уверен, что не столь уж далеко то время, когда один из священных синодов Русской Православной Церкви причислит к лику святых Георгия Жукова».

В победе, в народной душе, в государственном интересе Жукова, а не Рокоссовского есть правда о нашем времени, вот такие мы.

Жизнь немного всплеснула в хрущевские времена, пошли правительственные приемы, бокалы, газовые шарфики на шее, появился интерес к стрижкам, платьям из панбархата, к чернобурке на плечах, к соболям, голубой норке, но вскоре вся хрущевская братия покинула дом и осела в особняках на Воробьевых горах, никто новый не селился, возвращавшихся из лагерей Хрущев к власти не пускал, только плакал над ними, использовал. Он опирался на порядком замазанных провинциальных партийцев, а им не понравился дом, где и форточки не откроешь. За свежим воздухом они поехали на Кутузовский проспект, молодые генералы наполняли молодые дома на Сивцевом Вражке, кругом плодились блатные школы, блатные поликлиники (при Сталине только министры и их замы лечились наособинку, все прочие — на общих основаниях), а «индийская гробница» медленно тонула.

Из особняка на одну лестничную клетку к дочери перебрался Молотов, трехкомнатную квартиру (и еще комнату для прислуги), в доме такую квартиру называли «маленькой». Жил по-спартански, рано вставал, ходил, стоя писал (что? зачем?), ему служили две женщины. Молотову не боялись козырять военные, когда он шел в Ленинскую библиотеку, в общий зал, всякий раз исправно пока-

зывая внутренность своего портфеля милиционеру на входе, хотя милиционер уже издали махал: проходите, не надо.

Доброжелательные старушки довольно говорили в спину Молотову: «Такой же деликатный, как всегда». К молодежи у Молотова первым вопросом было: «Что вы читаете?»

Начались проводы, грустные песни. Маршала Конева, 59 лет от роду, вызвали из Барвихи, он долго ждал в приемной, наблюдая, как заходят и выходят разные люди, спросил у Малиновского: «Зачем вызвали?» Министр обороны, не моргнув глазом: «Не знаю». Своему первому заместителю, главнокомандующему войсками Варшавского Договора, «солдатскому маршалу», не боявшемуся на Президиуме ЦК при обсуждении вопроса о сокращении армии крикнуть Фурцевой: «А ты вообще молчи, что ты в этом понимаешь!»

Его позвали последним, за столом — Хрущев и прочие. «Ну что, Иван Степаныч, болеешь ты, да и возраст...» Конев отдал честь, щелкнул каблуками, развернулся и поехал с адъютантом на рыбалку, не стал валяться в ногах, как некоторые, что служили потом до 80 лет, до невменяемого состояния.

Только и спросил: а как же Варшавский Договор? Там же должность выборная, на пять лет.

Да ладно, сказали ему, мы все уладим.

Рокоссовский обнаружил приписки в судостроении и так отважно не поддавался на уговоры про них забыть, что, наконец, к нему на приеме подошел Хрущев и улыбнулся: «Вы у нас человек заслуженный. Пора бы вам отдохнуть».

Неуступчивый, непримиримый маршал Чуйков (спорил с Жуковым, как лучше брать Берлин) очень переживал, когда мрачнели отношения с Китаем. Чуйков воевал в Китае, его поражало, каким презрением обдают китайских представителей в Москве. Он мучился: написать в Политбюро? Нет! Посоветовался с женой. Она сказала: и ты еще думаешь? Ты же коммунист! И Косыгин высушал и отнесся вроде благосклонно.

Чуйков написал. Отправил. И стал ждать: сейчас его вызовут для подробных объяснений.

На Политбюро обсудили, Косыгин промолчал, и тут же отпала необходимость в отдельном командовании сухопутными войсками, и маршал Чуйков стал командующим полубумажной гражданской обороной.

Дом покинул Косыгин, долго не хотел уезжать, его упросили, им любовались: с женой ходил пешком по Москве, разговаривал с народом, за городом носил валенки. Единственный навестил умирающего от рака Конева, больница от дома — через дорогу, в доме полсотни квартир, навестил один Косыгин.

Народное мнение, любящее приписывать начальникам любовь, решило, что «Косыгин с певицей Зыкиной», его жена, так совпало, походила на Зыкину, отличаясь только цветом волос — блондинка. Она умерла от рака 1 мая, Косыгину сказали об этом на демонстрации. За всю историю дома только Косыгин привез свою покойницу проститься во двор, машина въехала в одни ворота и выехала в другие. Когда Косыгину приходилось уже после переезда попадать в этом доме, все видели: он украдкой утирает глаза. Он плакал.

Пропала охрана, суворых мужиков в подъездах заменили суворые тетеньки, обновили в доме лифты, и они тут же начали ломаться. Маршалы, не откладывая ни дня, взялись за общественную работу, службу в «райской» группе генеральных инспекторов, которую Буденный называл «отстойником», начали писать книжки: за кого-то писали «рабы», кто-то мучился сам, Конева научил наговаривать на магнитофон их любимый писатель Симонов...

Чуйков (даже смертельно больной) отвечал на письма чеченцев, он был депутатом от Грозного, ему жаловались без конца: крыша течет, пропал козел, Сталин за двадцать четырех часов всю Чечню высыпал, а вы второй месяц моего козла не можете найти!

Ворошилов с адъютантами выходил на угол и принимал от народа просьбы, адъютанты записывали в блокноты, а вообще дряхлел тяжело: забывался, шел не туда, падал, ему часто слышался колокольный звон — «Слышите?»

Семен Константинович Тимошенко собирал вокруг себя обслужу на кухне (он любил «поддать», а такие любители без компании никуда) и рассказывал свою судьбу, начиная с

живыми мицами впереди шествий с красными знаменами. Им повезло, и нам повезло.

Это была особая порода людей, сутками не бывавших дома, пробовавших солдатскую кашу, знавших по имени всех командиров взводов, но потрясающие наивных в жизни: они не знали ни цен, ни магазинов, мирной жизни своих солдат. Маршалу Малиновскому написала женщина: я в сорок первом году отдала бревна для своей избы танкистам на переправу, прошло уже двадцать лет, а избы у меня так и нет!

Маршал Голиков, отдохнув в плавании по Волге, первым делом написал в Президиум ЦК КПСС послание, где первым словом было «докладываю»: не организована продажа газет, почтовые ящики далеко от причалов, мало мегафонов, экскурсоводам не хватает зарплаты. Его никто не просил! Они чувствовали себя обязанными.

А вот как они обращались друг к другу, дружи десятилетиями, живя рядом, соседи: «Так разреши же мне, мой друг, вместе со всем советским народом, сего Вооруженных Силами, прежде всего сказать тебе в эти знаменательные дни наше огромное, русское, самое искреннее спасибо за все содеянное тобой для счастья нашей любимой Родины, для ее победы над заклятыми врагами трудового человечества...»

Они уже не умели жить в одиночку. Только «со всем советским народом и его Вооруженными Силами». И это не смешно.

Дальше. Дальше они поумирали, наступили времена, когда Генеральный штаб устал хоронить, офицеры, выставлявшиеся в почетный караул, едва не падали в обмороки и не хватало места в Кремлевской стене. В полтора месяца, скоро, скорел от рака представительной железы Рокоссовский, напутствовал внука ничем не примечательными словами, не советовал быть военным (очень бы удивился, что внук — подполковник и католик). На похоронах сильно плакал Брежnev. Он всегда плакал на похоронах.

Чуйков уже хворал, когда навестил его соратник, генерал. Генерал признался: я попросил похоронить меня на Мамаевом кургане. Чуйков задумался и, когда настала пора, позвал дочь: я написал письмо в ЦК (писал он уже скверно, строчки клонились набок), чтоб похоронили на Мамаевом, только — далеко вам будет ездить меня навещать... Ничего, ответила дочь, раз в год обязательно навестим. ЦК прочитал письмо, согласился: ладно, на день выставим здесь, кремируем и — в Волгоград. Нет, ответила жена, никаких «кремируем», про это он не писал. Согласились.

Вместо людей появлялись доски, разные: Фрунзе — из серого гранита, Буденному — бронзовая, Щербакову, Ворошилову — черный гранит.

Все кончилось, жильцы расплывались ночами на ладьях больничных коек в сторону русского поля с весенним, ласковым именем Новодевичье или в темную, вечную стену Кремля, напротив ГУМа, ярмарки победивших нас стран. Не всякий день подойдешь, нужно показывать паспорт, да и неловко — люди веселятся, дети с мороженым, воздушные шарики...

Горбачев всех обрадовал, кое-кто ночей не спал в счастливых предчувствиях, одна не очень здоровая душой бабушка, завидев Михаила Сергеевича в телевизоре, тут же кричала: «Мишенка! Мишенка!» Скоро она при таком же случае начала кричать: «Предатель! Повесить!» На стенах появились трещины, подгнили деревянные перекрытия, зеркала в подъездах пропали, скатали ковровые дорожки на чистку, и кто-то дорожки украл, завоняла мусорка, стали сбивать лепнину — не хватало ума и денег ее восстановить...

Дома нет, все справедливо, дикии заселяют обжитые места, и как когда-то до первых советских жильцов доходили невнятные, как забытые сны, слухи о предшественниках: виолончелистах, актрисах, адвокатах, жильцах доходного дома Шереметева, так и до нынешних буржуев что-то дойдет: здесь жил какой-то маршал, а вот там нарком. И быстро забудется.

Дом прожил очередную жизнь и умер. У него все было, что полагается дому.

Не было только стариков, играющих за столиком в домино.

Не было только старушек на лавочке, смолкающих при виде выходящей из подъезда влюбленной парочки: «Ох, ох, вот она идет, и красивей ее нету!»

Все остальное — было.

К. К. РОКОССОВСКИЙ

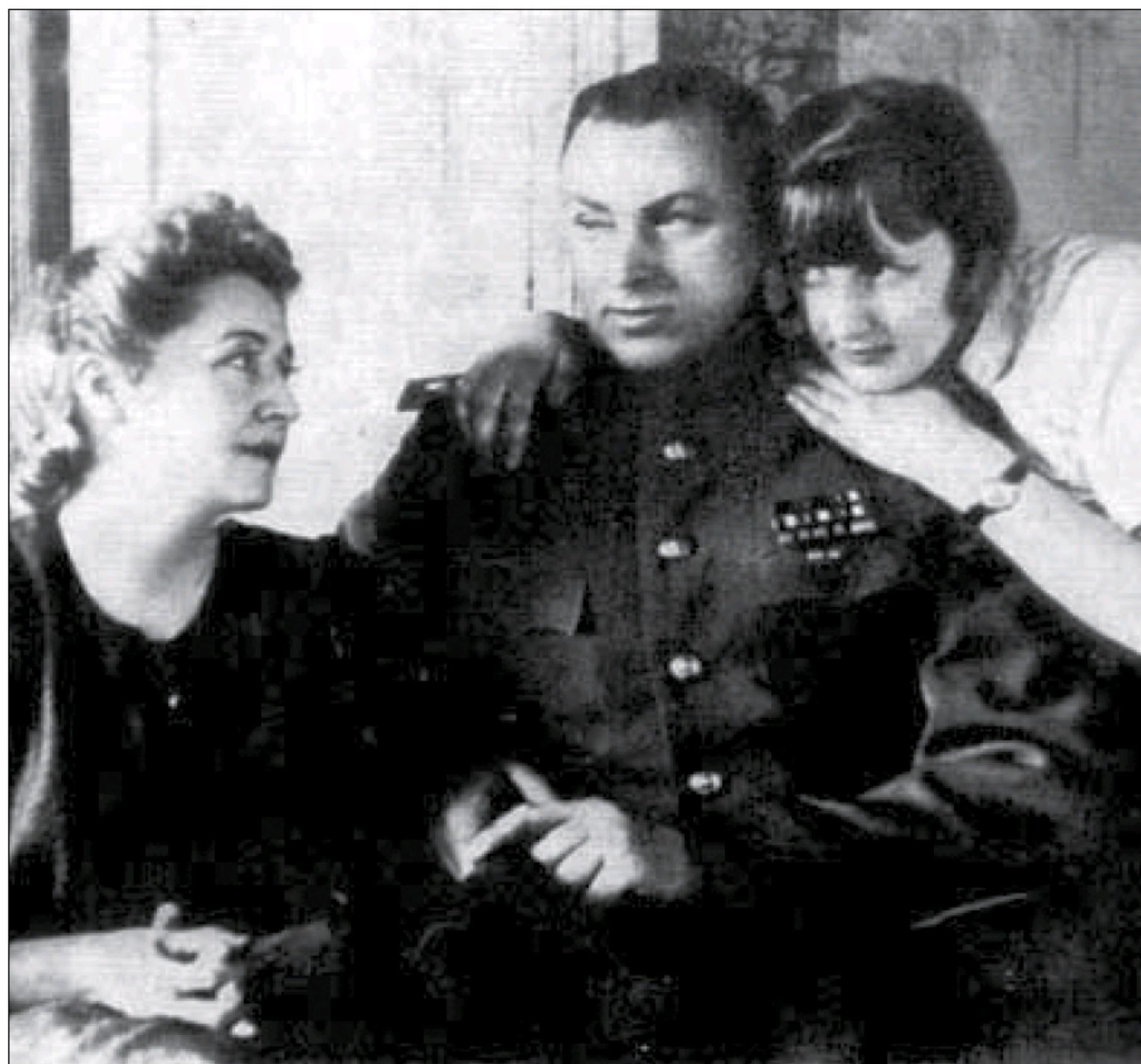
молдавских времен, а когда окончательно добрел: «Молчать! Слушать меня — я ваш марshall! Несите чемодан!»

Приносили чемодан, в который он на всех войнах и при других окажиях собирал часы всех марок: обслуже раздавались часы или (если не всем хватало) деньги.

Буденный говорил врачам: «Я не больной. Я старый». Играя на гармошке, собрав на кухне опять же обслужу из ближайших квартир, и она разносила по дому смешки: «Сегодня опять...»

Буденного окружали изображения лошадей: лошади бегали, прыгали, вставали на дыбы, стояли. Тимошенко окружали изображения баб. Это, в общем, верно отражало главные привязанности двух маршалов.

После смерти Буденного жена сохранила неприкосновенной комнату, где он работал. На столе осталась раскрытой книга (говорят, что «Угрюм-река»), как и при жизни, открыта на одной и той же странице, уже пожелтевшей. Тимошенко как-то подковырнул: «Семен Михаилыч, чегой-то ты все на одной странице?» «Я ж не просто читаю, я изучаю!»

К. К. РОКОССОВСКИЙ С ЖЕНОЙ ЮЛИЕЙ ПЕТРОВНОЙ И ДОЧЕРЬЮ АДОЙ. 1943 ГОД

Над Сантьяго идёт дождь

Операция «ХХ век»: как лидер компартии Чили Луис Корвалан вместе с КГБ готовили покушение на Пиночета

Сергей ПЛУЖНИКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Четверть века назад мы — двое журналистов в то время «Комсомольской правды» — впервые опубликовали подробности операции КГБ под кодовым названием «Доминго», планирование и реализация которой проходили под наивысшим в СССР грифом секретности «Особая папка Политбюро ЦК КПСС» (см. «Как Луиса Корвалана нелегально забросили в Чили», С. Соколов, С. Плужников <https://fb.ru/info/63045.html>). Конечным результатом сверхсекретной многоходовки должен был стать новый переворот в Сантьяго в середине 80-х годов прошлого века и приход к власти в Чили коммунистов под руководством генсека Коммунистической партии Чили (КПЧ) Луиса Корвалана. С тех пор много воды утекло, и можно наконец, сопоставив множество событий, в цепи которых операция «Доминго» является лишь небольшим звеном, ответить на главный вопрос — почему же этого так и не произошло?

ЯВЛЕНИЕ ПИНОЧЕТА

«Над Сантьяго идёт дождь» — такой позывной ранним утром 11 сентября 1973 года прошёл по каналам связи всех родов чилийских войск, возвестив о начале военного переворота. В 14.15 этого же дня в центре Сантьяго-де-Чили, в одной из комнат президентского дворца La Moneda, пылающего после бомбардировок с воздуха истребителями «Хантер», обстреливаемого танками и солдатами с площади Конституции, застрелился Президент Чили Альянде (Сальвадор Альянде Госсенс).

К власти 11 сентября в Чили пришла военная хунта: идеолог сентябрьского переворота адмирал Хосе Торибио Мерино Кастро (более 30 военных кораблей, 25 тыс. офицеров и матросов, включая 5 тыс. морских пехотинцев), яростный антикоммунист генерал BBC Густаво Ли Гусман (около сотни боевых самолётов и вертолётов, 12,5 тыс. личного состава), исполнительный служак генерал Сезар Мендоса Дуран (30 тыс. карabinеров — национальная полиция Чили) и примкнувший к ним в последний момент главнокомандующий всех Вооружённых сил Чили, бригадный генерал Августо Пиночет Угарте (сухопутные войска — 50 тыс. человек, около сотни танков).

И первое, что сделали путчисты, прийдя к власти, запретили деятельность Социалистической партии, основанной бывшим про-

ЛУИС КОРВАЛАН И ЛЕОНІД БРЕЖНЕВ В КРЕМЛЕ, 17 ДЕКАБРЯ 1976

зектором морга города Вальпараисо Сальвадором Альянде, и деятельность Коммунистической партии Чили во главе с сельским учителем по образованию Луисом Корваланом. «Товарищ Лучо» был закадычным другом тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева.

УЗНИК ОСТРОВА ДОСОН

В первый же день сентябрьского переворота в штабе ЦК компартии Чили солдаты арестовали 23 руководителей партии. Но генерального секретаря КПЧ Луиса Корвалана среди них не оказалось. Его взяли только 27 сентября на конспиративной квартире — местонахождение первого лица КПЧ явно кто-то выдал. После ареста Луис Корвалан стал заключённым концлагеря на острове Досон в Тихом океане (в 125 километрах от Антарктиды), где содержались в основном высокопоставленные чиновники свергнутого правительства Альянде.

В конце 1973 года в КГБ с участием представителей почти всех родов войск и Генштаба ВС СССР была разработана операция по освобождению «товарища Лучо» из холодного антарктического плена. Намечалось задействовать торговое судно, в трюмах которого планировалось разместить боевые вертолёты. В момент подхода «вертолётоносица» к острову Досон винтокрылые

машины с десантниками должны были на бреющем полёте атаковать казармы охраны, затем доставить заключённых вместе со штурмовой группой на подводные лодки.

План, несмотря на очевидную авантюренность, был в целом принят Политбюро. Но выяснилось, что нет гарантий избежать огласки участия Советского Союза в этой дерзкой акции, а также спасти Корвалана без риска для его жизни. Операцию отменили и стали искать мирные пути для спасения «товарища Лучо».

СВОБОДУ ЛУИСУ КОРВАЛАНУ!

В Советском Союзе развернулась крупномасштабная, ведомая главным образом ЦК ВЛКСМ кампания солидарности с чилийским народом. Луис Корвалан быстро стал самым известным в СССР узником пиночетовских застенков. На советском телевидении обзоры зарубежных новостей в программах «Время» и «Международная панорама» зачастую начинались фразой: «Тревожные сведения о новых преступлениях хунты путчистов приходят из чилийской столицы...» Почти три года советские СМИ и общественность клеймили позором пиночетовскую хунту, требуя освободить из тюрьмы генсека чилийской компартии.

В США воспринимали всё это как пропагандистскую шумиху. Но в июле 1976 года Сенат США принял « поправку Кеннеди — Харкина », запрещавшую военную помощь США в отношении Чили. Хунта стала искать возможности убедить Вашингтон отменить санкции. Корвалан в этой политической игре стал разменной фигурой. 18 декабря 1976 года в Цюрихе Луиса Корвалана при посредничестве властей США и Швейцарии обменяли на советского диссидента Владимира Буковского, о котором тогда много трубили «вражеские радиоголоса».

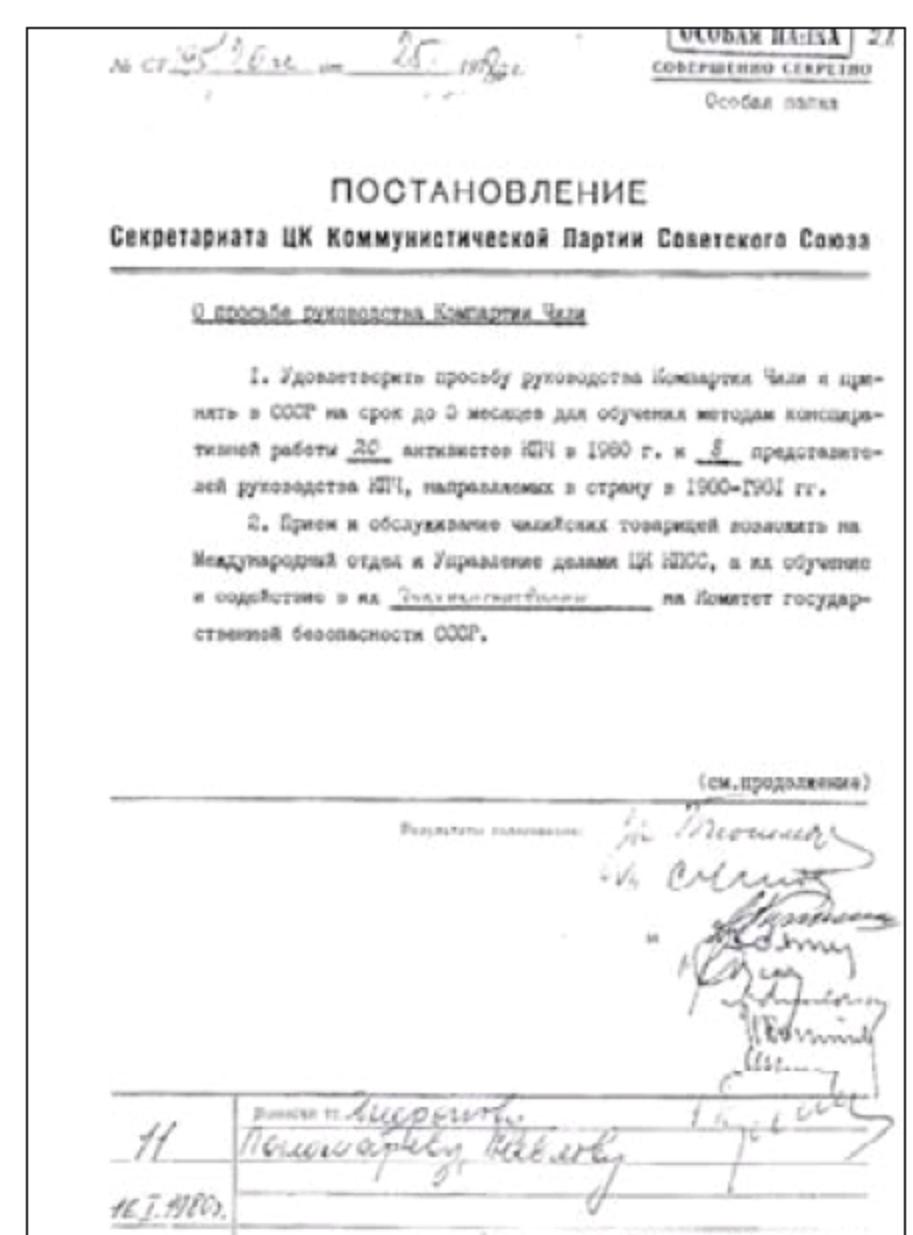
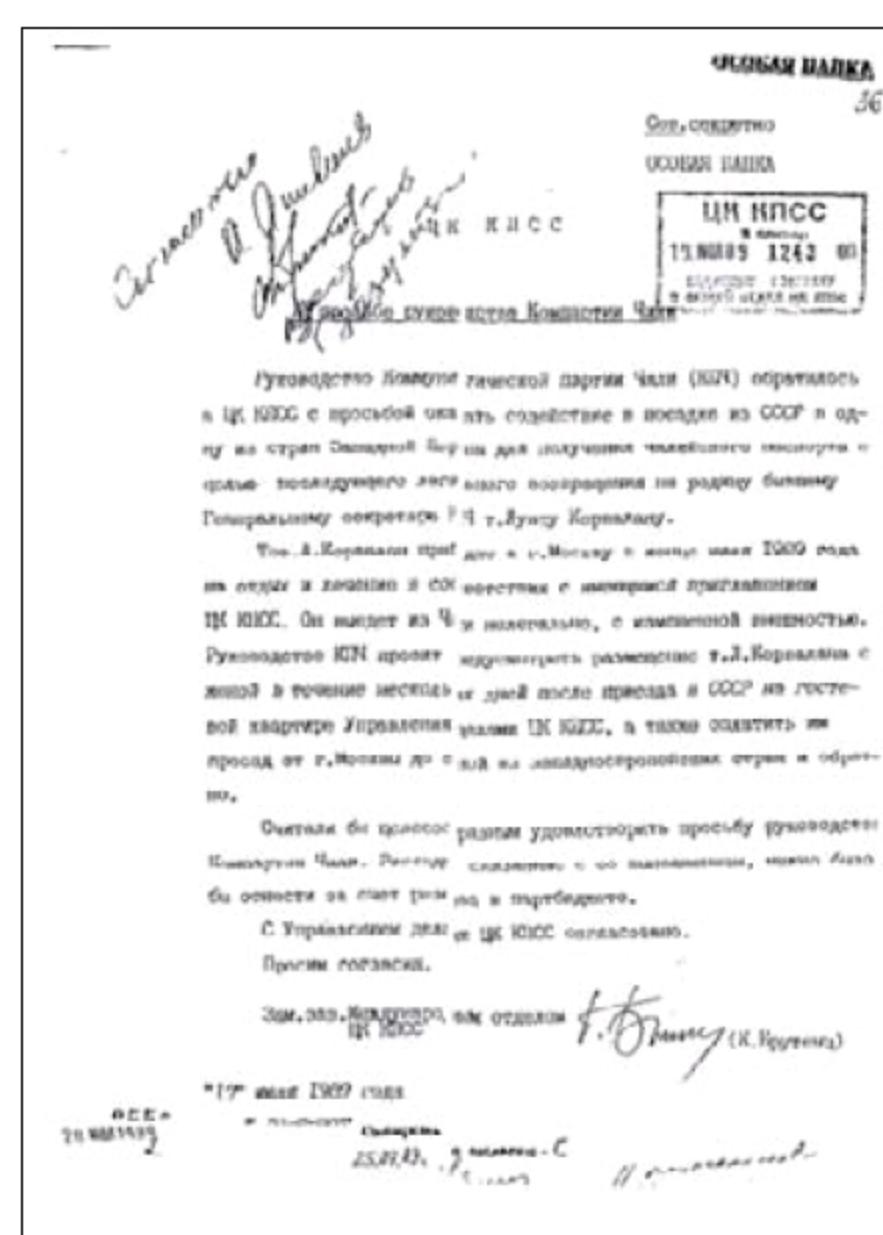
Но прежде чем генсек КПЧ попал на один из банкетов в Кремле по случаю празднования 70-летнего юбилея своего друга, генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева, в качестве подарочного сюрприза, его самолёт приземлился в Минске. Там, в загородной резиденции ЦК КП Белоруссии в Березинском заповеднике, его уже ждали друзья: брат Фиделя Кастро и командующий Революционными вооружёнными силами Кубы Рауль Кастро, начальник информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ СССР Николай Леонов, руководитель американского департамента ЦК компартии Кубы Мануэль Пинейро по прозвищу Барбаросса (по сути, это была спецслужба, занимавшаяся разведкой, вербовкой агентов и другими спецоперациями в Северной и Латинской Америке), полковник Тони де ла Гуардия (кубинский Отто Скорцени, возглавлял секретный отдел спецопераций МВД Кубы). Это были лучшие специалисты по мировым политическим заговорам на то время.

До 23 декабря, когда Корвалана отправили наконец в Москву, им было о чём поговорить. Подробности этих неформальных бесед нигде не зафиксированы, но общее содержание их и так понятно: обсуждалась подготовка к вооружённому восстанию в Чили под руководством КПЧ и свержению военной хунты Пиночета. И она уже шла полным ходом.

«Большой ошибкой правительства Альянде стало пренебрежение военной силой, которая могла бы защитить революцию», — считал Фидель. И в 1974 году между верхушкой КПЧ и руководством Кубы было достигнуто официальное соглашение об обучении чилийских революционных кадров под видом «иностранных офицеров» в кубинских высших военных учреждениях. С середины 1970-х чилийцы начали постигать азы военной работы также в Болгарии, СССР и ГДР.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ КПЧ

3 сентября 1980 года в эфире «Радио Москва» Луис Корвалан уведомил весь мир, что с этого момента компартия Чили принимает

ЛУИС КОРВАЛАН. ДО ОПЕРАЦИИ «ДОМИНГО» И ПОСЛЕ, МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ.
(ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ФОРМУ НОСА)

новую, более воинственную стратегию для борьбы с диктатурой Пиночета, «включая и методы самого грубого насилия, которые помогут народу защитить своё право на хлеб, свободу и жизнь». Было принято принципиальное решение создать собственные вооружённые силы КПЧ. В период с 1980 по 1982 год была создана Военная комиссия внутри КПЧ, на которую была возложена миссия развития и координации «политики массового народного восстания».

В ходе переговоров Фиделя Кастро и Луиса Корвалана в январе 1982 года была достигнута договорённость о подготовке военных лидеров для формирования в Сантьяго 90 подпольных групп, каждая из которых насчитывала бы от трёх до пяти человек. За пределами столицы КПЧ были намерены создать ещё 90 таких же боевых ячеек. С мая по август 1983 года в Сантьяго-Чили и других крупных городах вспыхнули протестные демонстрации. Наиболее крупная из них завершилась мощнейшими столкновениями с полицией и армией, в результате чего погибло 26 человек, более тысячи оказались в тюрьмах. Впервые за всё время правления военный режим Пиночета подвергался столь серьёзной атаке. И в КПЧ решили, что время действовать пришло.

К сентябрю 1983 года в Чили проникли первые пятеро офицеров, вставших у истоков нового боевого крыла КПЧ — Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса (FPMR). FPMR пользовался прямой финансовой поддержкой Гаваны и Москвы. Но финансы шли через каналы КПЧ, причём руководство партии не имело никакого права задерживать или использовать эти деньги на другие нужды. Явно требовался авторитетный партийный деятель, который на месте взял бы на себя общее руководство военными действиями КПЧ и Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса, наладил бы жёсткую дисциплину. (На значительном удалении, из Москвы, это не представлялось возможным сделать.) И такой человек был хорошо всем известен — Лучо.

ОТЕЦ В ОТВЕТЕ ЗА СЫНА

В Москве Луиса Корвалана с женой и двумя дочерьми поселили прямо у Кремля, близ Центрального телеграфа. «Товарища Лучо» опекали на уровне секретаря ЦК КПСС: продукты из распределителя, персональные охрана и чёрная «Волга». И на первый взгляд казалось, что жил генсек КПЧ вдали от родины припевающи. Но это было обманчивое впечатление. На самом деле, как видно из документов, он был постоянно в тайных хлопотах и разъездах — то на Кубе, то в ГДР. Бывая у болгарских товарищей в Софии, обязательно приносил цветы на могилу своего сына.

...Свидетельство бразильского студента Убирарама Пейшото (был арестован 12 сентября 1973 года карабинерами): «Нас увезли на стадион «Националь». Рядом со мной находился Луис Альберто Корвалан, сын генерального секретаря компартии Чили. Его подвергли жесточайшей пытке, которая продолжалась около 6 часов. Когда его в бессознательном состоянии бросили в камеру, он был весь окровавленный, со следами пытки электрическим током на лице и теле».

Затем Луиса Альберто отправили в концлагерь на север Чили. Странно, но сын генсека КПЧ в 1974 году был отпущен на свободу. Он уехал в Болгарию и жил там с женой и маленьким сыном. В 1975 году Луис Альберто умер от сердечного приступа. В 28 лет. Пытки на стадионе «Националь» не прошли бесследно.

И когда в 1983 году 67-летнему Луису Корвалану предложили вернуться в Чили и готовить народное восстание против военной хунты, он согласился не раздумывая. Отомстить Пиночету Корвалан горел желанием с того самого момента, когда узнал о смерти сына.

ОПЕРАЦИЯ «ДОМИНГО»

27 января 1983 решения П-95/65 Политбюро ЦК КПСС положило начало совсекретной операции «Доминго». Смысл её сводился к изменению внешности Луиса Корвалана и его нелегальной заброске в Чили для подпольной работы.

ПРЕЗИДЕНТ ЧИЛИ САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ, 1972

Над разработкой и осуществлением операции «Доминго» (это самый первый подпольный псевдоним Луиса Корвалана) трудились сотни людей. Нелегалы и резиденты ПГУ КГБ, чилийские друзья и сотрудники Группы парттехники Политбюро ЦК КПСС проделали гигантскую кропотливую работу по составлению легенды для Корвалана (кодовое имя Хорхе). Так на свет появился Луис Артуро Перес — родился 2 августа 1921 года в Боготе (Колумбия), женат, образование высшее, психолог, место работы — дипломатический факультет университета, рост 1,60 м, нос прямой, волосы тёмно-каштановые...

Генсеку КПЧ сделали серию пластических операций. Причём операции проходили не в клинике 4-го Главного управления, а где-то на закрытой подмосковной спешдache. Тайный переезд лидера чилийских коммунистов должны были обеспечивать два двойника. Один из двойников призван был проверить маршрут заброски Хорхе. Он без помех добрался до Чили. А вслед за ним через две недели аэрофлотским рейсом № 351 в Буэнос-Айрес вылетел по проторённому пути Луис Артуро Перес.

23 августа 1983 года Хорхе без проблем попал в Сантьяго. А в это время Корвалан выступал «в прямом эфире» по советскому телевидению в Москве — эти выступления в конспиративных целях были подготовлены загодя.

Луис Корвалан подтвердил своё участие в операции «Доминго» только в 2005 году в интервью журналисту Олегу Ясинскому: «Детали моего возвращения в Чили опубликовала газета «Комсомольская правда» в номере от 17 марта 1992 года. В газете было написано, что в день моего возвращения в Чили по миру путешествовали шесть моих двойников. По этому поводу чилийская «Меркурио» (правая консервативная газета) опубликовала карикатуру, на которой шесть похожих между собой типов спрашивают друг у друга, кто же из нас настоящий Корвалан...

Любопытно, что в 1984 году путь Хорхе без всяского участия спецслужб повторил известный чилийский кинорежиссёр Мигель Литтин, которого выслали из Чили ещё в 1970-х. Он, изменив внешность, с документами на имя богатого парагвайского коммерсанта обычным авиарейсом прилетел в Сантьяго из Буэнос-Айреса. Несколько недель Литтин, ежечасно рискуя жизнью, руководил пятью съёмочными группами, которые по всей стране снимали хронику жизни простых чилийцев под гнётом военной хунты. Отснятый материал превратился

в документальный фильм «Всеобщая декларация Чили», который получил две премии Венецианского кинофестиваля. Смелость кинорежиссёра даже вдохновила Габриэля Гарсия Маркеса написать повесть «Тайные приключения Мигеля Литтена в Чили». Книгу хунта запретила, а в 1987 году 14846 её копий солдаты публично сожгли на площади в центре Сантьяго.

О нелегальной деятельности Корвалана — Хорхе в Чили (до 1989 года) его оперативное дело под грифом «Особая папка Политбюро ЦК КПСС» информации не содержало. Но сейчас уже достаточно открытых источников, чтобы рассказать и об этом.

ПЛАН «ШТУРМ САНТЬЯГО»

С конца 1983 года и до октября 1984-го Патриотический фронт имени Мануэля Родригеса (FPMR) провёл 1889 различных подрывных акций, что в разы превышало всё то, что было сделано коммунистами со времён прихода к власти Пиночета. В одном из документов рассекреченного архива Социалистической единой партии Германии (ГДР) от 24 января 1985-го года Эрих Хонеккер был проинформирован, что «FPMR обладает 500 боевыми группами общей численностью в 1500 человек». Стратегия Национального восстания была главным пунктом повестки пленарного заседания ЦК КПЧ 1985 года, которое провёл Луис Корвалан, находясь в Чили на нелегальном положении. Руководство КПЧ Чили «решающим годом» объявило 1986-й — именно он, по мнению коммунистов, должен был стать «точкой невозврата» для уставшего от издевательств хунты народа.

А вот несколько выдержек из плана «Штурм Сантьяго», который должен был инициировать народное восстание по всей стране: «Взрыв моста через реку Майпо изолирует город с юга, мосты через Мапочо будут уничтожены для изоляции столицы с севера, после чего с кузовов колонны грузовых автомобилей начнётся раздача оружия населению Юга и Запада Сантьяго. Вооружённые группы должны построиться в колонны и проследовать в центр, чтобы взять Ла Монеду и изолировать с помощью баррикад и подрывов дорог воинские подразделения столицы».

Как видно, для успешного приведения в действие плана «Штурм Сантьяго» необходимо было снабдить большое количество людей оружием, которого в Чили не было. Требовалось очень много оружия. И в этом вопросе на помощь чилийским коммунистам вновь пришёл Фидель Кастро.

ОРУЖИЕ ДЛЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ»

Ещё в 1980 году самолётами «Аэрофлота» из Ханоя в Гавану было переброшено 80 тонн трофейного американского оружия и боеприпасов. Смертоносный груз проделал такой сложный путь «за счёт ассигнований из бюджета СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам» по просьбе руководства компартии Сальвадора. Но в пылающий гражданской войной Сальвадор это оружие, доставленное из Вьетнама на Кубу, так почему-то и не попало. Долгие годы оно хранилось в полной боевой готовности на складах в Гаване.

И вот настал его час. В декабре 1985 года трофейные M-16, гранатомёты M72 LAW и вдобавок несколько тонн чешской взрывчатки «Симтекс» и советские РПГ-7 общей стоимостью 30 млн. долларов были в непромокаемых пластиковых пакетах погружены на борт корабля Rio Najasa. Кубинское судно под панамским флагом вышло из порта Гаваны, чтобы обманутым для американских спутников путём обогнать земной шар и доставить оружие в бухту Каррисаль Бахо на севере Чили. А ещё в феврале 1985 года в упомянутой бухте развернулась целая логистическая операция по подготовке к получению этого оружия в открытом море. В

рыбацких посёлках были организованы коммерческие фирмы: по разведению устриц (Chungungo Ltda) и закупке у местных рыбаков водорослей и моллюсков («Продукты моря»). Для этих каторы были приобретены две шхуны (Chompalhue и Astrid Sue), а также 16 грузовиков, с помощью которых планировалось тайно доставлять «продукты моря» (оружие) в столицу. Были также куплены несколько заброшенных шахт, в штольнях которых сделали тайники, где предполагалось временно хранить оружие до его переброски в Сантьяго. Чтобы не вызвать подозрения, на медном руднике имитировали бурную деятельность якоры по восстановлению добычи сырья. Вся эта логистика обошлась КПЧ в 4 млн. долларов, в операции было задействовано более 120 человек.

Прибытие Rio Najasa в точку назначения должно было состояться 1 января 1986 года — в день празднования годовщины Кубинской революции. Но первая попытка

АЛЬЕНДЕ И ФИДЕЛЬ КАСТРО

ИНАУГУРАЦИЯ ГЕНЕРАЛА АУГУСТО ПИНОЧЕТА В КАЧЕСТВЕ ПРЕЗИДЕНТА ЧИЛИ, 1974

получить «подарок Фиделя» обидно провалилась. Шхуна Chompalhue, отплыв из Кальдры, должна была встретиться в международных водах с кубинским торговым кораблём, но просто потерялась в море. Оуществить вторую попытку получилось только 23 мая 1986 года. На сей раз шхуну Chompalhue снарядили лучшим навигационным оборудованием, какое смогли найти, и она под покровом ночной темноты дождалась кубинского сухогруза в открытом море, в точно назначенному месте. Перегрузка длилась 12 часов, и в трюмы чилийского судна перекочевало 35 тонн оружия. Более тысячи винтовок M-16, тонны взрывчатки и гранатомёты сначала спрятали в медных шахтах, а затем, не торопясь, перевезли на грузовиках в Сантьяго, беспрепятственно преодолев десятки полицейских постов на дорогах. Руководство КПЧ и FPMR ликовало. В Гаване на банкете Фидель Кастро одаривал квартирами и «Жигулями» членов экипажа Rio Najasa.

В начале августа 1986 года остальные 45 тонн оружия были благополучно доставлены с Rio Najasa на чилийский берег. Но 6 августа агенты CNI (чилийская спецслужба – аналог гестапо в Третьем рейхе) после короткой перестрелки прямо на пляже задержали пятерых контрабандистов. Кто то сообщил в CNI, что в прибрежных водах происходит что-то неладное. В помещении одной из контор по закупке водорослей при обыске позже нашли фотоаппарат. Проявив плёнку, полиция вычислила и арестовала всех руководителей операции по получению оружия.

В итоге в руки агентов CNI попало 3115 винтовок M-16, 300 советских гранатомётов, 2 тыс. ручных гранат, несколько тонн взрывчатки и тысячи патронов, всё ещё остававшихся на побережье. А затем CNI нашла почти все склады и ранее доставленного в Сантьяго оружия. Обнаруженным арсеналом можно было вооружить пехотную дивизию. У заговорщиков из КПЧ и FPMR в руках осталась всего десятая часть оружия, доставленного с Кубы. Ни о каком «Штурме Сантьяго» теперь и речи быть не могло.

ОПЕРАЦИЯ «ХХ ВЕК»: ПОДГОТОВКА

Покушение на Аугусто Пиночета было всего лишь частью задуманного плана «Штурм Сантьяго». Но летом 1986 года, после провала в бухте Каррисаль Бахо, убийство диктатора стало главной целью военного комитета КПЧ и боевой организации «Патриотический фронт им. Мануэля Родригеса». Несколько месяцев изучался рабочий график Аугусто Пиночета. Выяснилось, что генерал на выходные, как правило, уезжает в свою горную резиденцию в местечке Эль Мелокотон. И вечером

в воскресенье обязательно возвращается в Сантьяго по старой горной дороге, которая проходит параллельно федеральной автотрассе G-25. Вот на этой дороге и решено было провести операцию «ХХ век».

Генерала Пиночета задумали ликвидировать так же, как никарагуанского диктатора Анастasio Сомосу 16 сентября 1980 года: в столице Парагвая Асунсьоне его белый «Мерседес», заблокированный грузовиками, попал под шквальный огонь из автоматов и гранатомётов аргентинских боевиков Народной революционной армии. Сомоса тогда скончался на месте расстрела мгновенно, поскольку его машина не была бронирована.

В акции возмездия должны были быть задействованы только наиболее опытные боевики FPMR, но ни в коем случае не члены партии, участие которых в покушении могло бы дискредитировать КПЧ. Это была сложная задача. 20 специально отобранных парней-стрелков, младшему из которых не было ещё и 18 лет, и единственную среди них девушку Адриану Мендосу Кандиа поселили на вилле № 0235 в Ла Обра (посёлок элитных особняков под Сантьяго) с бассейном и теннисным кортом. Вряд ли их можно было назвать самыми опытными членами FPMR. Сюда же заранее привезли оружие и боеприпасы, спрятанные в бочках из-под дизтоплива.

ПОКУШЕНИЕ В КАХОН-ДЕЛЬ-МАЙПО

Воскресенье 7 сентября выдалось ясным. В 18.15 на вилле в Ла Обра раздался телефонный звонок – это Исабель Майорас предупредила заговорщиков, что кортеж Пиночета из двух мотоциклов и 5 машин (2 бронированных «Мерседеса» и 3 джипа с охраной) проследовал через городок Сан-

Хосе-де-Майпо к Сантьяго. Все стрелки на разных машинах выдвинулись к заранее определённому месту покушения в горном массиве Кафон-дель-Майпо (40 км к востоку от Сантьяго). В 18.30 четыре группы боевиков FPMR расположились на склонах холмов вдоль горной дороги и приготовились открыть огонь по кортежу диктатора. Синий грузовик «Тойота» с жилым трейлером перегородил шоссе, отрезав мотоциклистов от основного кортежа. Из трейлера выскочили трое боевиков и открыли огонь по головной машине с охраной из M-16 и гранатомётов. По остальным машинам началась стрельба с холмов. Боевики успели два раза выстрелить из гранатомёта по пытающемуся скрыться от них «Мерседесу», в котором находился Пиночет. Но первая реактивная граната, попав в бронированную крышу машины, срикошетила в сторону и взорвалась в обрыве, а вторая вообще не разорвалась. «Мерседес» протаранил арьергардный «Пежо» боевиков FPMR, перегородивший кортежу дорогу к отступлению, и умчался в сторону резиденции в Эль Мелокотон.

Бой длился всего около 10 минут. Были убиты пять охранников Пиночета. Никто из бойцов FPMR не был даже легко ранен. Установив на крыше мигалки и не пряча оружия, боевики FPMR помчались на предельной скорости в Сантьяго. Попадавшие им навстречу многочисленные машины полицейских и военных патрулей, спешившие к месту происшествия, даже не подумали остановить и проверить документы стрелков, принимая их за агентов CNI.

Операция «ХХ век» не достигла своей главной цели – диктатор чудесным образом спасся, осколки стекла лишь оцарапали ему руку. Спасение произошло прежде всего благодаря водителю – каправу Оскару Карвахалю Ну涅су. Генерал Пиночет при обстреле хотел выйти из машины и умереть

БРОНИРОВАННЫЙ «МЕРСЕДЕС» ГЕНЕРАЛА АУГУСТО ПИНОЧЕТА ПОСЛЕ ОБСТРЕЛА ИЗ ГРАНАТОМЁТОВ M72 LAW, 1986

– здесь и сейчас. Но его удержал водитель. Совсем юноша, который лишь недавно оказался за рулём президентского лимузина, принял единственно верное решение – сумел ловко развернуться и молниеносно ретироваться под перекрёстным огнём.

На следующий же день повреждённые президентские «Мерседесы» были выставлены на всеобщее обозрение на площади Конституции перед дворцом La Moneda. На их фоне генерал Пиночет давал интервью многочисленным журналистам о том, что следы пули на стекле его лимузина совпадали с контуром изображения на чудотворной иконе Богоматери Неустанной Помощи (оригинал иконы Nuestra Se ora del Perpetuo Socorro хранится в церкви Святого Альфонсо в Риме, десятки её копий находятся в католических церквях по всему миру, в том числе и в Сантьяго-де-Чили).

Эксперты же многих спецслужб, разбирая потом недочёты организаторов операции «ХХ век», сходились во мнении, что главная ошибка боевиков FPMR заключалась в применении одноразового американского гранатомёта M72 LAW с фабричной зарядкой. Предпочтительнее было действовать с помощью советского РПГ-7, который можно быстро и сколько угодно раз перезаряжать на месте боя.

Кстати, РПГ-7 имелся в складах FPMR и после провала в бухте Каррисаль Бахо. Но почему стрелки не воспользовались именно этим оружием, легко пробивающим танковую броню, – непонятно.

ОТПЕЧАТОК НА БУТЬЛКЕ «КОКА-КОЛЫ»

После нападения на Пиночета детективы из следственной бригады «Ягуар» довольно быстро вычислили место базирования боевиков FPMR – особняк в La Obra, и перевернули там всё вверх дном. Особенно их интересовал мусор, в спешке оставленный стрелками. И как раз в мусорной корзине сыщикам удалось найти бутылку «Кока-Колы» с едва заметными «пальчиками». Но в полицейской картотеке схожих отпечатков не обнаружилось, хотя криминалисты Сантьяго работали в течение месяца на износ, сверяя отпечатки пальцев более миллиона граждан страны. В середине октября 1986 года наконец было получено разрешение использовать картотеку CNI, в которой вскоре были обнаружены искомые отпечатки.

Так, спустя 43 дня после покушения на Пиночета, удалось установить личность первого из его участников – Хуана Морено Авили, «команданте Сашу». В ночь на 21 октября 1986 года «Сашу» был арестован на арендованной квартире в Сантьяго. Он практически сразу же признал своё участие в операции «ХХ век». В этот же день во время утренней пробежки в Национальном парке Бернардо О'Хиггинса были арестованы ещё четверо стрелков FPMR.

Месяцем ранее участники нападения на Пиночета собирались в ресторанчике Don Lalo в Сантьяго. Присутствующим сообщили, что есть приказ: покинуть Чили. Но не все ему повиновались. Те, кто всё же выразил желание выехать за рубеж, получили фальшивые паспорта, настоящие деньги и схемы маршрутов на выезд из страны – в Аргентину. Затем, в конце октября 1986 года, различными рейсами через Мадрид, Франкфурт и Рим стрелки по отдельности направились в Москву. Здесь они проживали в гостинице ЦК КПСС «Октябрьская». Некоторые потом вернулись в Чили.

После неудачного покушения на Пиночета КПЧ прекратила все контакты с FPMR. Луис Корвалан в 1986 году получил орден Октябрьской Революции к своему 70-летнему юбилею, хотя генсек КПЧ мечтал совсем о другом подарке.

14 сентября 2006 года, отмечая своё 90-летие, Луис Корвалан в многочисленных интервью повторял: «Моя цель – пережить Пиночета». И ему это удалось. Аугусто Хосе Рамон Пиночет Угарте умер в возрасте 91 года через три месяца после этого – 10 декабря 2006 года. А сам пламенный Лучо (Луис Альберто Корвалан Лепес) покинул этот свет четыре года спустя – 21 июля 2010 года. Ему было 94 года. Хотя бы так Корвалан отомстил за замученного в пиночетовских застенках сына.

Фото из архива автора

Как охраняли Фиделя Кастро

Подполковник 9-го управления КГБ СССР Сергей Голосов: «В два часа ночи меня проинформировали о том, что Фидель хочет совершить поездку по ночной Москве»

Сергей Голосов

Специально для «Совершенно секретно»

Мы продолжаем начатый нами цикл публикаций, основанных на воспоминаниях Сергея Яковлевича Голосова, подполковника 9-го управления КГБ СССР, служившего в элитном подразделении, занимавшемся организацией личной охраны первых лиц СССР и их гостей — лидеров социалистических стран. За три десятилетия работы в органах системы госбезопасности Голосову приходилось охранять и наших, и иностранных руководителей. Ну а поскольку он закончил факультет Высшей школы КГБ с изучением испанского языка, его служба была во многом связана с испаноязычным контингентом. Ему посчастливилось близко знать Фиделя и Рауля Кастро, Луиса Корвалана. Отметим в скобках, что с легендарным Лучо, руководителем компартии Чили, Сергей Голосов проводил практически всё время, будучи начальником его охраны.

Когда мы начали разговаривать с Сергеем Яковлевичем о Фиделе Кастро, он вспомнил такой момент из собственной биографии: «Начало 1960-х. Я, двадцатилетний паренёк из Тульской области, выхожу из метро на станции «Площадь Революции» и вижу большое количество людей, радостно приветствующих проезжающий мимо правительственный кортеж. Я поинтересовался, кого встречают москвичи, и мне объяснили, что в СССР с официальным визитом прибыл Фидель Кастро. Кем был Фидель для советских граждан, объяснить, наверное, не нужно. Героем, примером для подражания, всеобщим любимцем. Мог ли я тогда думать, что через десять лет буду не только видеть его рядом, общаться с ним и даже обеспечивать его безопасность? Но так случилось, что Фидель навсегда вошёл в мою жизнь и остался у меня в памяти...»

ИСТОРИЯ СО СКУЛЬПТУРОЙ

— Как вы, Сергей Яковлевич, познакомились с Фиделем, как вообще люди попадали на работу с государственными лидерами?

— Система «подвода» к первым лицам непростая. У нас, бывало, охраняемые лица и анкеты предлагаемых сотрудников читали, и фотографии смотрели... Я не сразу стал работать с Фиделем близко в качестве прикреплённого или замначальника охраны. Сначала был на некотором расстоянии, работал в системе выездной охраны. В 1972 году, когда он приехал с визитом в СССР и посетил несколько городов, я был на подхвате. В одной машине с ним тогда не ездили, был, как у нас говорят, «на хвосте». Ну и выполнял я обычные для нас виды работы, охранял, закрывал периметр и так далее. Но близко его, конечно, видел, как и он меня.

По-настоящему узнавать меня он стал после случая в Гаване во время моей очеред-

ФИДЕЛЬ КАСТРО С СЕРГЕЕМ ГОЛОСОВЫМ

ной поездки на Кубу. Шёл 1978 год, а на острове Свободы проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Советскую делегацию возглавлял секретарь ЦК и член Политбюро Пётр Миронович Машеров. И он запланировал для хозяев сюрприз.

— Но мне казалось, что во время подобных встреч охрана согласует все детали, чтобы как раз без «сюрпризов» обошлось...

— Сюрприз должен был быть для Фиделя. Его вроде бы пообещали держать в неведении. Приглашает меня Машеров, показывает бронзовую скульптурную композицию и говорит: «Вот это произведение искусства нужно незаметно доставить в кабинет Фиделя Кастро, чтобы после переговоров я сделал этот подарок как сюрприз. Справишься?»

— А что за композиция была?

— Действительно необыкновенная. Два бронзовых изображения Фиделя. Первое — молодой партизан с винтовкой за спиной, изваянnyй в полный рост. Высота — примерно полметра. А второе было вдвое больше — бюст вождя кубинской революции в зрелом возрасте, где он выглядел как политик и мыслитель. Задача скульптора, по словам Машерова, была показать, как Кастро из партизана стал руководителем

государства и выдающимся политическим деятелем.

— Ваши действия?

— Обратился к кубинской службе безопасности, объяснил проблему. Согласовали всё. Но вот когда я, в строгом соответствии с протоколом встречи Кастро — Машеров и разработанным планом, находился уже в кабинете Фиделя и переставлял монумент с места на место (смотрел, откуда он будет выглядеть лучше), а также репетировал, как с него будут сдергивать покрывало, то почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. Позади меня стоял командант с револьвером на поясе и с сигарой в руке. Я что-то пролепетал ему, а он с любопытством стал разглядывать фигуры. Я, кстати, знал, что это был первый его памятник. Скорее всего, он ему понравился. Во всяком случае, командант подошёл, пожал мне руку и похлопал меня по плечу.

Хотя тогда я свою миссию не выполнил полностью — полноценного сюрприза не получилось, но я думаю, что, поскольку мы всё согласовывали с его охраной, ему шепнули, что планируется такое мероприятие

— А ведь мог бы, зайдя в кабинет и увидев постороннего, и пальнуть, человек-то Фидель был горячий...

— Мог. Если бы действительно ничего не знал. А встреча была интересная. Машеров с Фиделем, как два бывших партизана, общий язык нашли.

— Наши вожди Кастро выделяли среди других глав соцстран?

— К Кубе нельзя было относиться так же просто, как к нашим сателлитам типа Болгарии или Монголии. И Фидель всегда выглядел более самостоятельным, независимым, значительным. Встречать его в аэропорт посыпали самых уважаемых членов Политбюро. И принимали на высшем уровне.

Возвращаясь к событиям 1978 года, я отмечу, что с тех пор командант стал меня не только узнавать, но и приветствовать, и я почувствовал к себе особое его отношение. Описать это сложно, но ощущение было совершенно точным...

— Как вы обращались к кубинским лидерам? По имени?

— Нет, конечно. Обращение к Фиделю было «камараде команданте», к Раулю — «камараде министре».

КОМАНДАНТЕ С РЕВОЛЬВЕРОМ

— Вы говорите, что во время вашей первой близкой встречи у Фиделя на поясе был револьвер...

— Всегда был. И на Кубе, и здесь, в СССР.

— И во время встреч с Брежневым? Ваш коллега генерал Титков рассказывал, как ему перед встречей с Леонидом Ильичом пришлось «разоружать» Ясира Арафата...

— Я знаю эту историю. Но то две разные фигуры и по значению, и по менталитету, и по общему уровню развития. Фидель прекрасно понимал, куда можно идти с пистолетом, а куда нельзя. Но ему было гораздо спокойнее не расставаться с оружием, и у себя в гаванской резиденции, и даже на наших охраняемых объектах.

— Известно, что, когда братья Кастро приезжали на охоту в СССР, они привозили свои винтовки М-14. В ваши времена дело так же обстояло?

— С Фиделем я на охоте не был, а вот с Раулем — неоднократно. Он пользовался нашим оружием.

— А члены Политбюро? Своё привозили или брали для них приготовленные ружья?

— Наши охраняемые приезжали со своими ружьями, пристрелянными, теми, что считали лучшими. У каждого члена Политбюро их было много. У Брежнева, у Гречко — сотни стволов. А в охотхозяйстве тоже были и ружья, и карабины. Там выбирали в зависимости от статуса гостя. Если ты большой руководитель — лучшее давали, если попроще, то и оружие соответствующее.

— Ваш коллега Алексей Алексеевич Сальников рассказывал мне, что в хрущёвские времена они как-то вылетели из Пицунды якобы в Ярославль, а оказались в Североморске, откуда командант уже отправили на родину. У вас бывали такие случаи?

— Совершенно правильно. Так делали и мы. Я помню, когда Фидель в 1981 году был на съезде, а в 1982 году на похоронах Брежнева, я его дважды отправлял домой на

КУБИНСКИЙ ЛИДЕР БЫЛ БУКВАЛЬНО ОЧАРОВАН РУССКИМИ БАЛЕРИНАМИ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

“ Женщины всегда питали к Фиделю особый интерес. На родине он получил прозвище Жеребец. У него было достаточно детей, в том числе, как считают, и у нас в стране ”

Кубу. В прессе давалась информация, что он вылетает, скажем, из Шереметьево. На самом деле и аэропорт вылета, и самолёт для Фиделя, и маршрут были засекречены. Охотников до покушений на вождя кубинской революции было предостаточно.

— Недавно наш президент рассказывал, что, когда он беседовал с Фиделем о покушениях на него и о том, как ему удалось избежать трагических последствий, тот ответил: «Дело в том, что своей безопасностью я всегда занимался сам».

— Верно. Мое наблюдение. Где-то в особняке или резиденции собираются члены кубинской делегации и свои вопросы обсуждают. Обычно в кинозале. Ситуация спокойная, контролируемая, ведь дело происходит на строго охраняемом объекте. И в какой-то момент мне нужно войти и объявить, что пора, допустим, выезжать или кто-то к нам приехал. Их сидело человек пять-шесть. Я захожу и вижу, что никто, кроме Фиделя, на звук открывшейся двери не реагирует. Тут же замечаешь его внимательный взгляд. Что бы там ни шелохнулось, он всё замечал. Он всегда был настороже. Кстати, он никогда никого не посвящал в свои планы, как бы близко человек к нему ни стоял.

— Говорят, на Кубе у него были десятки резиденций и никто не знал, в какой из них он будет ночевать...

— Он постоянно менял их, это правда. Даже у нас в стране во время дружественных визитов его невозможно было найти утром в тех апартаментах, которые были для него подготовлены. Мне, правда, было прекрасно известно, где и с кем найти Фиделя, но для посторонних место его ночёвки было засекречено, причём им самим. Вспоминаю его визит в СССР в 1972 году по маршруту Москва — Завидово — Воронеж — Минск. В резиденциях каждому из гостей в соответствии с его положением выделялись апартаменты. Но искать каждого по отдельности было бесполезно. Утром я обнаруживал кубинских гостей, спавших как попало, иногда даже в самой маленькой комнате. В

основном вместе с Фиделем были его сын Хосе, помощник Чоми Баруэкос и министр внутренних дел и безопасности Хосе Абрантес. И так было постоянно.

ЗАПРЕТНАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ

— Ещё раз о знакомстве и начале более плотной работы. Как развивается процесс? Насколько близкими могут быть отношения охраняемого и охранника? Они могут чай пить, застольную беседу вести?

— Здесь надо сразу сделать разграничение. Если ты работаешь со своим охраня-

мым, то это одни условия, если с иностранным гостем — другие. Проведу сейчас такую параллель. Александр Коржаков сейчас книжку написал, «Бесы». Он, конечно, во всех книжках, что называется, грязи навалил, но тут уж особенно. Вот в его случае отношения с Ельциным стали недопустимо близкими. Такие отношения между охранником и охраняемым лицом должны быть исключены. С учётом немощности и определённых недостатков Ельцина, Коржаков стал просто его подменять. И Ельцин правильно сделал, что уволил его. Особенно если учесть особенности личности Александра Васильевича.

— А вы работали с Коржаковым?

— В то подразделение, где он работал, Коржаков попал с моей подачи. Сам-то он об этом, наверное, уже не помнит. В 1975 году я был назначен отвечать за боевую и физическую подготовку в Управлении личной охраны. Это когда я в опале был. Но руководство нашего 18-го отделения ко мне хорошо относилось, и Герман Анатольевич Романенко сказал: «Сергей, ты всё равно сейчас будешь какое-то время не у дел, сможешь — подтяни физподготовку». А сложилась у нас такая ситуация: из 12 подразделений 9-го управления КГБ по спорту мы заняли последнее место. И генерал Шорников, подводя итоги, сказал: «Вообще-то, надо посмотреть, кому мы доверяем жизнь наших лидеров, если они даже подтянуться не могут...» Для начала мы на следующей спартакиаде своими силами вышли с последнего места на шестое. А потом стали бороться за первые места. Коржакова я «приглядел» для нашей волейбольной команды... А возвращаясь к отношениям с охраняемыми лицами — есть красная запретная линия, которую переступать нельзя. А Коржаков её переступил.

— Иногда ведь сотруднику охраны могло показаться, что его особо отмечают, что охраняемое лицо проявляет к нему больше внимания, чем к другим...

— Всегда должен быть внутренний барьер. Фамильярность, панибратство тут недопустимы. Особенно в работе с иностранными гостями.

— Вы в школе КГБ учились на факультете с изучением испанского языка. Насколько серьёзной там была подготовка?

— По количеству учебных часов мы немного отставали от иняза. От двух до четырёх в день.

— А работали с вами носители языка или наши?

— С нами занимались преподаватели, учившиеся у «настоящих» испанцев, тех, кто приехал в СССР во время Испанской войны.

— Когда вы смогли свободно общаться по-испански с нашими гостями?

— Вы очень интересный вопрос задали. Поэтому отвечаю откровенно. Приехал к нам Фидель, а в рамках визита наш генерал встречался с соответствующим ему по должности кубинцем. И взял меня, только-только закончившего школу КГБ, в качестве переводчика. Разговорная практика (имеется в виду с носителями языка) у меня почти отсутствовала, да и вообще на переговоры берут переводчиков-синхронистов, а это другой уровень. И я по-настоящему «плыл». Свободным у меня испанский стал, когда я с утра до ночи работал с Луисом Корваланом. Но той базы, которую давали нам в школе КГБ, было вполне достаточно для обычной работы на уровне общения с кубинскими сотрудниками охраны, их начальниками. Для организации процесса обеспечения безопасности, взаимопонимания и взаимодействия этого вполне хватало.

В 1986 ГОДУ ФИДЕЛЬ УЧАСТОВАЛ В XXVII СЪЕЗДЕ КПСС

КАК БЕРЕГЛИ «КУБИНСКОГО ЖЕРЕБЦА»

— Фидель Кастро был крайне популярн в СССР, причём, как мне кажется, больше у прекрасной половины. Приходилось ограждать его от поклонниц? И сам он как к ним относился?

— Женщины всегда питали к Фиделю особый интерес. На родине, вы знаете, он получил прозвище Жеребец. У него было достаточно детей, в том числе, как считают, и у нас в стране. Его контактам я не препятствовал и не способствовал, это не входило в мои функции. Но желающих быть к нему поближе было немало.

А бывали случаи, что от поклонников его приходилось по-настоящему защищать. Я имею в виду, например, визит Фиделя на XXVI съезд КПСС в 1981 году.

— Что это были за события?

— В тот раз на мои плечи легла охрана кубинской делегации в полном объёме. Очень сложно было привлечь нужное количество квалифицированных сотрудников. На съезд прибыло довольно много гостей со статусом охраны по нашему ведомству, поэтому мы располагали ограниченными силами.

В течение двух недель мне приходилось бессменно находиться на работе. И важная особенность: наш главный охраняемый был относительно молодого возраста. Пожилые секретари братских компартий, не говоря уж о наших, возвращались к себе в резиденцию и больше никуда не выезжали, тем более ночью. У нас обстановка была другая. А ещё из-за разницы в часовых поясах кубинцам было удобнее работать ночью, так что нам спать особенно не приходилось — два-три часа в сутки.

ТА САМАЯ ФОТОГРАФИЯ ОТ ФИДЕЛЯ С НАДПИСЬЮ «ПО-БРАТСКИ ОБНИМАЮ» ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ГОЛОСОВА

“ Истории были с кубинским лидером разные. В 1972 году он приехал к нам из ГДР со здоровенным синяком на лице. Официальная версия — гонял в баскетбол и упал... ”

— Кубинцы в резиденции сидели или выезжали по ночам?

— Вообще-то, программа никаких ночных выездов не предусматривала, но в неё приходилось вносить корректировки. Однажды я отпустил почти всю охрану, и тут кубинцы устроили мне проверку на профпригодность. В два часа ночи меня проинформировали о том, что Фидель хочет совершить поездку по ночной Москве. В принципе, задача была не очень сложной, если бы не один момент. Мне показалось, что команданте решил «пойти в народ», чтобы почувствовать, насколько его помнят советские люди. А наш народ этого яркого политического лидера никогда не забывал.

По просьбе Фиделя мы сделали остановку на смотровой площадке Ленинских гор, где, несмотря на позднее время, было довольно много людей. Тут же они окружили нас, начались здравицы в честь советско-кубинской дружбы. Многие, особенно девушки, пытались кинуться в объятия к Фиделю. Было трудно сдерживать напор толпы, но, подтянув резерв и мобилизовав кубинских охранников, мы сумели организовать плотное кольцо. Правда, без пуговиц на пальто остались, но что делать... Я временно косил глазом на Фиделя, и мне казалось, что он оценивает нашу работу.

Уже под утро, когда мы подводили итоги с начальником кубинской охраны, он сказал, что Фидель оценил нашу работу на

«отлично» и по накалу сравнил эту операцию с инцидентом в Нью-Йорке в 1960 году, когда во время встречи Хрущёва и Кастро специально подобранный толпа пыталась вмешаться в процесс. Тогда советской охране пришлось идти вручную. Особенно, как говорят, отличился начальник управления двухметровый гигант генерал Захаров. Но случай на Ленгорах всё-таки был в дружественной стране...

— Ветераны «девятки» рассказывали, что в хрущёвские времена кубинские лидеры однажды несанкционированно покинули резиденцию и отправились гулять по Москве. Было такое?

— Я тоже об этом слышал, но, когда я работал с ними, ничего нештатного мы старались не допускать. О неожиданной поездке на Ленгоры я рассказал, но там мы всё

контролировали. Истории были с кубинским лидером разные. В 1972 году он приехал к нам из ГДР со здоровенным синяком на лице. Официальная версия — гонял в баскетбол и упал...

— Кстати, о спорте... Насколько я знаю, его часто приглашали на футбол и хоккей. Ему это нравилось?

— Мне не приходилось сопровождать Фиделя в Лужники. Рауля — да. Ему нравились оба вида спорта.

— В последние годы жизни Кастро часто видели на телекранах в адиасовском спортивном костюме. А как он ходил в домашних условиях в 1970-е — 1980-е?

— Исключительно в военной форме. Или в полевой, или в парадной. Но зимнего головного убора соответствующего у него не было. У нас он обычно в ушанке ходил.

“ В 1960 году в Нью-Йорке во время встречи Хрущёва и Кастро специально подобранный толпа пыталась вмешаться в процесс. Тогда советской охране пришлось идти вручную ”

— Фиделю были свойственны определённые вредные привычки: сигары, алкоголь. Что пили и курили кубинские гости?

— Насчёт старшего Кастро не могу точно сказать, мне кажется, что в те годы — вино. Рауль пил водку, но немного.

— Сергей Яковлевич, а как кубинские лидеры отмечали наших сотрудников за понравившуюся им работу? И за что вообще можно было ожидать поощрения?

— Вообще-то мы работали не за похвалу, а просто профессионально выполняли свою работу. А поощрения получали за точное выполнение заданий, за оперативность, за работу в сложных условиях. Вот пример. Во время XXVI съезда КПСС мы были с Кастро в Одессе. Его сопровождал Хосе Абрантес, уже член Политбюро в то время. Он подошёл ко мне и сказал, что ему нужно досрочно уехать. Пока они расселялись, я всё организовал и говорю ему: «Вот билет ваш, вылет тогда-то». Он тогда взял меня за руку, подвёл к Фиделю и говорит: «Ну и комиссар у вас! Как он работает!»

После каждого визита охранников чем-то отмечали, награждали. После того визита подходил ко мне помощник Фиделя и говорит: «Тебя приказано особенно наградить». Я говорю: «Ничего не надо, у меня есть фотография с Фиделем на память».

— А что на ней написано?

— «По-братьски обнимаю!» И для меня эта фотография стала самой лучшей наградой... ■

Беседовал Алексей Богомолов

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО СПЕЦВЫПУСК «ДЕТЕКТИВ»

Спецвыпуск «Детектив» – это:

- **наилучшие** экспресс-детективы
- **неимоверные** сюжеты
- **неожиданные** развязки
- **удобный компактный** формат
- **+10** сканвордов

Уже в продаже